

Соблазненная дьяволом

Автор:

[Тереза Медейрос](#)

Соблазненная дьяволом

Тереза Медейрос

Согласно древним законам Шотландии, невесту можно похитить даже у алтаря. Но Эммалина Марлоу, вынужденная стать женой богатого аристократа, чтобы спасти отца от долгов, знать не знала об этом диком обычае, пока горец Джейми Синклер не выкрал ее прямо из церкви.

Что теперь – презирать и ненавидеть похитителя?

Свадьба юной Эммалины и молодого красавца Джейми приведет к междоусобной войне кланов. А взаимная любовь может стоить им жизни. Однако разве опасности остановят настоящего мужчину и прекрасную женщину, связанных неразрывными узами страсти?..

Тереза Медейрос

Соблазненная дьяволом

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

© Teresa Medeiros, 2010

© Перевод. Н.В. Панина, 2012

Глава 1

– Ой, ну ты только посмотри на эту красотку! Она просто вся дрожит от радости.

– Разве можно винить ее за это? Может, она мечтала об этом дне всю свою жизнь.

– Но ведь это мечта каждой девушки – выйти замуж за богатого лэрда, который может исполнить любое ее желание, правда?

– Пусть считает, что ей повезло заманить такого завидного жениха. С таким количеством веснушек великой красавицей ее не назовешь.

– Готова поспорить, что их не выведет и целая склянка лосьона Гауленда! И потом, тебе не кажется, что медный оттенок волос делает ее немного простоватой? Я слышала, граф встретил ее в Лондоне, во время ее третьего и последнего сезона, когда вся надежда найти мужа была почти потеряна. Говорят, ей уже двадцать один год.

– Не может быть! Ужас! Такая старая?

– Ну, так я слышала. Она уже была готова смириться со своей судьбой, а тут наш лэрд заметил ее среди закоренелых старых дев и послал одного из своих людей потанцевать с ней.

И хотя она гордо держала голову и героически пыталась не обращать внимания на неистовый шепот двух сплетниц за своей спиной, Эммалина Марлоу не могла отрицать правду в их словах.

Она действительно мечтала об этом дне всю свою жизнь.

Она мечтала перед алтарем отдать свое сердце и вечную преданность любимому человеку. В этих туманных мечтах она никогда четко не представляла его лица, но видела его глаза, горевшие страстью, когда он клялся до конца своих дней любить, почитать ее и заботиться о ней.

Эммалина опустила глаза на дрожащий букет сухого вереска в руке, радуясь, что сияющие наблюдатели, заполонившие ряды длинных узких скамеек церкви, объясняли ее дрожь предвкушением радости, которую испытывает любая невеста. Только Эммалина, единственная, знала, что скорее всего дрожит от холода, казалось, насквозь пронизывающего древние камни аббатства.

И ее сердце.

Она украдкой бросила взгляд на церковный двор за высокими узкими окнами. Над долиной нависло небо цвета неотшлифованного олова, и от этого казалось, что за окнами стоит глубокая зима, а не середина апреля. Голым веткам дуба и вяза еще предстояло покрыться зеленой листвой. Из каменистой почвы торчали покосившиеся надгробия, непрерывный дождь и ветер уничтожили надписи на них. Сколько же тех, кто теперь покоился под землей, были когда-то невестами, подумала Эмма, молодыми женщинами, полными разбившихся надежд и чаяний.

На церковный двор, напоминая памятники еще более древней эпохи, надвигались зубчатые скалы. Казалось, что суровый край Шотландского нагорья, где зима упрямо отказывалась сдавать свои позиции, находится невероятно далеко от пологих холмов Ланкашира, где она с сестрами обожала с такой беспечностью играть. Те холмы уже покрылись нежной весенней зеленью и манили домой любого скитальца, который имел глупость покинуть их.

Дом, подумала Эмма, и сердце ее сжалось от острой тоски. С сегодняшнего дня она больше не будет принадлежать тому дому.

Эмма в панике бросила взгляд через плечо на родителей. Они сидели на семейной скамье Хепберна, с гордостью взирая на нее затуманенными от слез глазами. Она была хорошей девочкой. Послушной дочерью. Они всегда ставили ее в пример трем младшим дочерям. Элберта, Эдвина и Эрнестина прилепились друг к другу на скамье рядом с матерью и прикладывали к припухшим глазам носовые платки. Если бы Эмма могла убедить себя, что ее семья плачет от радости, их слезы было бы легче перенести.

В размышления Эммы вторгся жеманный шепот женщин, которые возобновили свою беседу.

– Ты посмотри на него! Он по-прежнему производит поразительное впечатление, правда?

– Несомненно! Это делает ему честь. И можно сказать, что он уже души не чает в этой девочке.

Эмма повернулась к алтарю и, подняв глаза, встретила обожающий взгляд своего жениха. Вспомнив, что более чем на полфута возвышается над его высохшей фигуркой, она потупила взгляд.

Он улыбнулся ей, едва не выронив изо рта плохо подогнанную вставную челюсть с зубами из веджвудского фарфора. У него ввалились щеки, когда он со щелчком, который подобно ружейному выстрелу эхом разнесся по аббатству, втянул челюсть назад. Эмма судорожно сглотнула в надежде, что катаракта значительно ослабила его зрение и он по ошибке примет ее гримасу отвращения за улыбку.

Высохшую фигуру жениха украшал полный набор регалий, соответствующий статусу лэрда и главы клана Хепбернов. Широкие складки пледа в черную и красную клетку почти поглотили его сгорбленные плечи. Сшитый к нему в пару килт открывал костлявые, словно пара дверных ручек из слоновой кости, колени. Между ног висел поношенный спорран, предписанная этикетом сумка-кошель, облезающая неровными пятнами, совсем как проплешины на его голове.

Старые сплетницы правы, строго напомнила себе Эмма. Этот человек – граф, необыкновенно влиятельное лицо, которое, по слухам, пользуется уважением равных себе по положению и благосклонным вниманием короля.

Принять сватовство графа – ее долг перед семьей и их быстро убывающим состоянием. В конце концов, ее отец не виноват, что его «наградили» кучей дочерей, а не осчастливили сыновьями, способными самим сколотить состояние в этом мире. То, что Эмма привлекла внимание графа Хепберна, оказалось для них всех невероятной удачей. Благодаря щедрым суммам графа ее отцу, матери и сестрам никогда больше не придется просыпаться от ужасающего стука кредиторов, барабанивших в дверь их полуразвалившегося дома, или дрожать

от страха, что их отправят в работный дом.

Возможно, среди сестер Марлоу Эмма – самая хорошенькая, но она не настолько привлекательна, чтобы позволить себе отвергнуть такого знатного поклонника. Во время их утомительного путешествия в этот отдаленный уголок Шотландского нагорья мать Эммы с радостью во всех подробностях обсудила грядущую свадьбу. Когда они достигли холмистых предгорий и их взорам наконец предстал дом графа, ее сестры задохнулись от восхищения, не понимая, что их притворная зависть была для Эммы намного мучительнее откровенной жалости.

Невозможно было отрицать великолепие древнего замка, укрывшегося в тени величественной, покрытой снегом горы Бен-Невис. Этот замок много веков радушно принимал у себя лордов Хепберн и их жен. Когда этот день подойдет к концу, Эмма станет его хозяйкой и женой графа.

Она взглянула на своего жениха и с трудом сдержала гримасу, превратив ее в искреннюю улыбку. С тех пор как старик сумел рассмотреть Эмму в переполненном зале во время одного из последних балов сезона, для нее и для ее семьи он стал олицетворением доброты. Вместо того чтобы послать гонца от своего имени, он сам проехал весь путь до Ланкашира, чтобы увидеть ее и просить благословения ее отца.

Во время своих визитов он вел себя как настоящий джентльмен, ни разу не сделав пренебрежительного замечания в отношении их захудалой гостиной с потертым ковром, обдирающимися обоями и разномастной мебелью и ни разу не бросил презрительного взгляда на ее вышедшие из моды и сильно штопанные платья. Судя по его изысканному обаянию и любезному поведению, можно было бы подумать, что он пьет чай во дворце Карлтон-Хаус с принцем-регентом.

Он обращался с Эммой так, словно она уже была графиней, а не старшей дочерью разорившегося баронета. Старик никогда не приезжал с пустыми руками. За графом, отставая на один шаг, всегда следовал угрюмый лакей с ворохом подарков. Расписанные вручную веера, бисер и красочные модные журналы – для сестер Эммы, французское мыло с запахом лаванды и симпатичные отрезки муслина и кисеи – для ее матери, бутылки отличного шотландского виски – для ее отца и «Песни невинности» Уильяма Блейка в кожаном переплете или последний роман Фани Берни – для самой Эммы. Для графа с его средствами это были сущие безделушки, но такой роскоши в доме

Эммы не было уже очень давно. Щедрость графа вызывала румянец на бледных щеках матери Эммы и пронзительные вопли удовольствия ее сестер.

Этому человеку Эмма дарила если уж не сердце, то свою благодарность и преданность.

«Интересно, сколько он еще сможет протянуть?» – с мучительным сознанием своей вины подумала вдруг Эмма.

Ходили слухи, что графу уже около восьмидесяти лет, но выглядел он на сто пятьдесят. Судя по восковой бледности лица и изнурительной икоте, сопровождавшей каждый его вздох, он может не пережить их брачную ночь. Дурной запах изо рта графа достиг ноздрей Эммы, и она покачнулась, испугавшись, что тоже может ее не пережить.

Одна из женщин, сидевших на передней скамье, словно прочитав мрачные мысли невесты, прошептала:

– Одно про нашего лэрда можно сказать точно: должно быть, у него богатый опыт угождать женщинам.

– Да уж, это точно, – не сдержавшись, фыркнула ее соседка. – Особенно если учесть, что он уже пережил трех жен и всех детей, которых они произвели на свет, не говоря о куче любовниц.

Образ престарелого жениха, жующего ее губы в неуклюжей пародии на страсть, вызвал у Эммы новую волну дрожи. Она все еще никак не могла прийти в себя после откровенных инструкций матери о первой брачной ночи. Как будто уже само действие не было достаточно ужасным или унижительным, так мать еще добавила, что, если она отвернет лицо и станет извиваться под телом графа, все закончится намного быстрее. Если знаки внимания графа станут уж слишком энергичными, она должна закрыть глаза и думать о чем-нибудь приятном, например о красивом восходе солнца или о коробке свежего сахарного печенья. Как только все закончится, она может опустить подол ночной рубашки и идти спать.

Свобода. У Эммы отчаянно заколотилось сердце. После сегодняшнего дня она уже никогда не будет свободна.

Эмма отвела глаза от полного надежды лица жениха и заметила, что на нее сердито смотрит внучатый племянник графа. Йен Хепберн оказался единственным человеком в церкви, мрачный вид которого был созвучен с подавленным настроением Эммы. Это был симпатичный мужчина с высоко поднятыми римскими бровями, с ямочкой на подбородке и гладкими темными волосами, собранными на затылке в косичку. Но в этот день классическую красоту его лица портило застывшее на нем выражение ненависти. Он не одобрял выбор графа, явно опасаясь, что цветущее молодое тело Эммы принесет Хепберну нового наследника и лишит его наследства.

Священник запел монотонным голосом, читая из часослова шотландской церкви. Эмма опять бросила взгляд через плечо и увидела, что мать уткнулась в камзол отца, словно больше не могла наблюдать за этой церемонией. А сестры стали шмыгать носами громче, чем раньше. Острый маленький носик Эрнестины стал розовым, как нос кролика, и, судя по отчаянной дрожи пухлой нижней губы Эдвины, она вот-вот разрыдается в полную силу.

Скоро эта бессвязная ахиня священника закончится, не оставив Эмме другого выбора, кроме как поклясться в своей верности и душой и телом этому высохшему старику.

Эмма оглянулась, размышляя, что станут делать все присутствующие здесь люди, если она подберет отделанную кружевами юбку своего свадебного платья и рванет к дверям. Она слышала многочисленные назидательные истории о беспечных путешественниках, пропадающих в дикой местности Шотландского нагорья. В данный момент подобная перспектива показалась ей удивительно заманчивой. В конце концов, вряд ли дряхлый жених сможет ее догнать, перебросить через плечо и вернуть к алтарю.

Как будто соглашаясь с этим фактом, граф каркающим голосом начал произносить свою клятву. Он сделал это очень быстро, и теперь священник выжидающе смотрел на Эмму.

Как, впрочем, и все остальные в церкви.

Пауза затянулась.

– О, бедная девушка не может справиться с волнением, – пробормотала одна из женщин.

– Если она упадет в обморок, он не сможет подхватить ее, не сломав себе спину, – прошептала ее соседка.

Эмма открыла было рот, но тут же его закрыла. Во рту все пересохло, она облизнула кончиком языка губы и снова попыталась сказать хоть слово. Священник смотрел на нее из-под очков в стальной оправе, и сочувствие, светившееся в его добрых карих глазах, едва не заставило Эмму расплакаться.

Она опять бросила взгляд через плечо, но на этот раз ее внимание привлекла не мать и не сестры. Теперь она увидела отца.

В его темно-синих глазах, таких же, как у нее самой, безошибочно угадывалась мольба. У него слишком долго был безумный и затравленный взгляд. Эмма была готова поклясться, что с тех пор, как граф подписал соглашение с кредиторами, руки у отца стали дрожать заметно меньше. После того как она приняла предложение графа, Эмма ни разу не замечала, чтобы он потянулся к фляжке, которую всегда носил в кармане своего жилета.

В его одобрительной улыбке Эмма на мгновение увидела другого человека: моложе, с ясными глазами и твердой рукой, дыхание которого пахло мятой, а не спиртом. Сейчас он подхватит ее и посадит на плечи для головокружительной прогулки верхом, а она будет чувствовать себя королевой всех окрестностей, а не просто чумазой малышкой с ободранными коленками и беззубой улыбкой.

А еще в глазах отца она увидела то, чего не видела уже очень давно. Надежду.

Эмма, расправив плечи, повернулась к жениху. И пусть присутствующие на церемонии думают что хотят, но она не станет плакать или падать в обморок. Она всегда гордилась тем, что сделана из твердого теста. И если она должна выйти замуж за этого графа, чтобы обеспечить будущее своей семьи, она сделает это. И будет стараться стать лучшей женой и графиней, какую только могут купить его богатство и титул.

Эмма открыла рот, приготовившись обещать любить, почитать и слушаться графа в горе и в радости, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит их,

когда за ее спиной вдруг распахнулись створки тяжелых, окованных железом дубовых дверей, впуская поток холодного воздуха и дюжину вооруженных людей.

Церковь наполнилась хором испуганных криков и визгов. Вооруженные люди рассыпались между скамеек, на небритых лицах застыла мрачная решительность, а нацеленные пистолеты были готовы подавить любой признак сопротивления.

И только Эмма не почувствовала никакого страха. Наоборот, в своем сердце она ощутила необыкновенный прилив надежды.

Когда первоначальная паника и крики немного улеглись, на главный проход церкви смело шагнул Йен Хепберн, оказавшись между угрожающими дулами пистолетов незваных гостей и своим двоюродным дедушкой.

– Что все это значит? – крикнул он, и его голос многократным эхом отразился от сводчатого потолка. – У вас что, нет уважения к дому лорда?

– А что это за лорд? – ответил ему низкий голос с сильным шотландским акцентом, от которого по спине Эммы пробежала невольная дрожь. – Тот, кто своими собственными руками создал эти горы? Или тот, кто считает, что родился с правом управлять ими?

Эмма судорожно вздохнула, когда обладатель этого сильного голоса въехал в церковь на большой черной лошади. Разнесся нарастающий гул голосов, гости отпрянули назад к скамейкам, в их пристальных взглядах в равной степени отражался и страх, и восхищение. Странно, но взгляд Эммы был прикован не к великолепному животному с роскошной черной гривой, а к человеку, сидевшему верхом на лошади.

Загорелое лицо обрамляли густые пряди черных волос, являя собой поразительный контраст с холодными зелеными глазами. Несмотря на холодный день, на нем был только черно-зеленый шерстяной килт, сапоги на шнуровке и жилет из потертой коричневой кожи, выставивший на обозрение его широкую гладкую грудь. Этот человек обращался с лошадью так, словно родился в седле. Его мощные плечи и мускулистые руки не выдавали никакого напряжения, когда он направил лошадь прямо по центральному проходу, заставив Йена отступить

назад, иначе он оказался бы под беспощадными копытами животного.

– Синклер! – услышала за своей спиной шипение графа Эмма.

Она обернулась и увидела, что лицо ее престарелого жениха покраснело и перекосилось от ненависти. Судя по набухшей сизой вене, пульсирующей у виска, он может и брачную церемонию не пережить, не говоря уже о брачной ночи.

– Простите, что нарушил такой волнительный момент, – не испытывая ни малейшего угрызения совести, сказал незваный гость и натянул поводья, подняв лошадь на дыбы. – Вы же понимали, что я не смогу не засвидетельствовать свое почтение по такому знаменательному поводу. Должно быть, мое приглашение затерялось на почте.

– Единственное приглашение, которое Синклер может получить от меня, – потряс дрожащим кулаком в сторону всадника граф, – это приказ из магистрата об аресте и свидание с палачом.

В ответ на угрозу незнакомец озадаченно выгнул бровь:

– А я так надеялся, что в следующий раз открою дверь этой церкви на твоих похоронах, а не на еще одной церемонии бракосочетания. Но ты всегда был старым распутным козлом. И мне следовало знать, что ты не сможешь устоять перед соблазном купить еще одну невесту, чтобы согреть свою постель.

Впервые за все это время насмешливый взгляд незнакомца метнулся к Эмме. Но даже этого мимолетного взгляда было достаточно, чтобы вспыхнули ее бледные щеки. В его словах присутствовала неоспоримая и убийственная правда.

Йен Хепберн снова встал между ними, и Эмма почувствовала облегчение.

– Ты можешь насмехаться над нами и притворяться, что мстишь за своих предков, как делаешь это всегда, – презрительно ухмыляясь, сказал Йен, – но любой здесь знает, что Синклеры всегда были всего лишь обыкновенными головорезами и ворами. Если ты и твои бандиты пришли лишить гостей двоюродного деда ювелирных украшений и кошельков, тогда почему, черт

возьми, тебе не заняться этим и перестать попусту тратить слова и наше время?

Жених Эммы с удивительной энергией метнулся вперед, едва не сбив ее с ног.

– Я не хочу, чтобы внучатый племянник принимал участие в моих сражениях. Я не боюсь такого дерзкого щенка, как ты, Джейми Синклер, – заворчал граф, проходя мимо племянника и потрясая сжатым костлявым кулаком. – Делай что хочешь, я тебя не боюсь!

– О! А я пришел не за тобой, старикашка! – Ленивая улыбка коснулась губ незнакомца, и он, достав из-за пояса килта блестящий черный пистолет, указал им на белоснежный лиф свадебного платья Эммы. – Я пришел за твоей невестой.

Глава 2

Эмма пристально всматривалась в холодные зеленые глаза незнакомца поверх дула пистолета, и в ее голову вдруг пришла мысль, что, оказывается, существует кое-что похуже брака с трясущимся стариком. Густые темные ресницы, обрамляющие эти глаза, ничуть не скрывали невысказанной угрозы, блиставшей в их глубине.

При виде пистолета, направленного на грудь Эммы, ее мать прикрыла рукой рот, чтобы заглушить вырвавшийся крик. Элберта и Эдвина уцепились друг за друга, на одинаковых шляпках дрожали букетики шелковых фиалок, а голубые глаза расширились от ужаса. Эрнестина судорожно искала в сумочке нюхательную соль.

Отец Эммы вскочил на ноги, но так и не сделал ни одного шага. Казалось, что какая-то сила, более мощная, чем самозабвенная любовь к дочери, пригвоздила его к месту.

– Послушайте, – рявкнул он, уперев руки в спинку передней скамьи, – что вы этим хотите сказать, черт возьми?

Священник отступил к алтарю, умышленно отдаляясь от Эммы, граф опустил сжатый кулак и медленно, еле волоча ноги отодвинулся назад. Теперь между сердцем Эммы и заряженным пистолетом не осталось никакой преграды. Судя по выжидающей тишине, повисшей среди гостей церемонии, Эмма с Синклером, видимо, превратились в двух главных героев. Эмма подумала, что ей надо как-то отреагировать на происходящее. Наверно, она должна упасть в обморок, разразиться слезами или хорошенько умолять незнакомца сохранить ей жизнь.

Она понимала, что скорее всего именно этого от нее ждут все присутствующие. И это придало ей мужества подавить собственный пробуждавшийся страх, встать прямо и, вздернув подбородок, с дерзким блеском в глазах встретить безжалостный взгляд незнакомца. Она изо всех сил вонзила ногти в букет, чтобы скрыть отчаянную дрожь в руках, выжимая из хрупких цветов слабый запах вереска. На какую-то неуловимую долю секунды в холодных зеленых глазах незнакомца промелькнуло не то удивление, не то восхищение.

Йен Хепберн с горящими презрением глазами прошагал мимо деда и на безопасном расстоянии остановился перед всадником.

– Значит, теперь ты опустился до осквернения церкви и угроз застрелить беспомощную безоружную женщину. Думаю, что ничего другого ожидать от такого ублюдка, как ты, Син, не стоит, – добавил он, прошипев его уменьшительное имя так, словно это было самое мерзкое словечко.

Синклер бросил короткий взгляд на Йена:

– В таком случае ты не должен быть разочарован, а, друг?

– Я тебе не друг! – выкрикнул Йен.

– Не друг, – тихо согласился Синклер, и в его голосе послышались нотки не то горечи, не то сожаления. – Полагаю, ты никогда им не был.

– Ты – живое доказательство того, что одной учебы в Сент-Эндрюсе[1 - Старейший университет Шотландии.] недостаточно, чтобы из горной крысы превратиться в джентльмена! – Даже отступая, граф держался с вызывающей наглостью. – Твой дед, должно быть, ужасно злится, осознав, что твоя учеба в университете оказалась пустым расточительством его драгоценных монеток,

которые его разношерстная банда явно украла из моих сундуков!

– Я бы не стал называть это расточительством. – Оскорбления графа, казалось, вовсе не обескуражили Синклера. – Если бы я не поехал в Сент-Эндрюс, здесь я, возможно, никогда бы не познакомился с вашим очаровательным племянником. – Услышав эти слова, Йен сверкнул глазами в его сторону. – Но могу вас заверить, что обязательно передам ваш привет деду, когда в следующий раз его увижу.

Значит, этот разбойник какое-то время жил среди культурных людей. Именно поэтому самые грубые звуки в его произношении сгладились, сделав его голос опасно бархатистым и музыкальным.

– И что же ты, самонадеянный молокосос, собираешься сделать? – потребовал граф. – Ты приехал, чтобы ускорить свое неизбежное путешествие в ад, хладнокровно убив мою невесту перед алтарем в церкви?

Эмма с тревогой отметила, что ее преданного жениха подобная перспектива не особенно испугала. С его титулом и богатством ему будет довольно просто купить другую невесту. Эрнестина с Элбертой достаточно взрослые для замужества. Возможно, соглашение о выплате графом долгов отца останется в силе, если он предложит ему выбор между двумя дочерьми и церемония продолжится не прерываясь.

Но конечно, сначала они уберут следы ее крови.

Эмма глупо хихикнула. Получается, что она не упала в обморок и не стала умолять сохранить ей жизнь только для того, чтобы скатиться до истерики. Только сейчас она осознала, что действительно может умереть в руках этого безжалостного незнакомца: невинная невеста, никогда не знавшая настоящей страсти или нежных прикосновений любовника.

– В отличие от некоторых, – с подчеркнутой вежливостью начал Синклер, – у меня нет привычки убивать невинных женщин. – По его губам скользнула нежная улыбка, но она была опаснее любой насмешки или сердитого взгляда. – Я же сказал, что пришел за твоей невестой, Хепберн, а не убить ее.

Эмма поняла его намерение за секунду до всех остальных гостей в церкви. Это читалось по его квадратному небритому подбородку, напряжению, которое

волной прокатывалось по его мускулистым бедрам, по тому, как его сильные руки держали потертые поводья.

Но Эмма стояла на месте, словно приросла к каменной плите, парализованная грубой решительностью его прищуренного взгляда.

Казалось, что все случилось в один миг. Синклер вонзил свои каблуки в бока лошади. Животное рвануло вперед, дико выкатив глаза и раздувая ноздри. Лошадь неслась по центральному проходу церкви прямо на Эмму. Ее мать издала леденящий кровь крик и упала без чувств. Священник нырнул за алтарь, его черные одежды развевались у него за спиной, как крылья ворона. Эмма закрыла лицо руками, приготовившись быть затоптанной копытами огромного животного.

В последнюю секунду лошадь круто свернула влево, а Синклер сильной рукой подхватил Эмму за талию, поднял и положил ее на живот на свои колени, словно она весила не больше мешка червивой картошки. Эмма все еще пыталась отдышаться, а Синклер уже круто развернул лошадь. Копыта лошади взметнулись в воздух. Эмма судорожно вздохнула, абсолютно уверенная, что это ее последний вздох, ведь лошадь непременно опрокинется назад и сбросит их обоих.

Но у того, кто захватил ее в плен, были другие намерения. Он с грубой силой натянул поводья, с настоящим мастерством заставляя животное подчиниться его воле. Лошадь оглушительно заржала и опустилась на передние ноги, высекая искры из-под копыт.

Сильный голос Синклера был слышен даже сквозь пронзительные визги и безумные крики тревоги, эхом разносившиеся под сводчатым потолком церкви. Но его слова предназначались только для графа.

– Если ты хочешь получить ее назад целой и невредимой, Хепберн, тебе придется заплатить. И дорого заплатить. Я не верну ее тебе до тех пор, пока ты не вернешь то, что принадлежит мне по праву.

Синклер стегнул поводьями по спине лошади, и ее копыта прогромыхали по плитам церкви и вымощенному булыжниками церковному двору. И каждый длинный мощный шаг лошади все дальше уносил Эмму от всякой надежды на

спасение.

Глава 3

Эмма не знала, долго ли они ехали. От каждого удара копыт лошади по замерзшему торфу из ее волос высыпалось все больше шпилек с янтарными кончиками, державших непослушные вьющиеся волосы. Очень скоро растрепанные пряди повисли вокруг лица.

Эмма слабо представляла себе других лошадей в их отряде. Она только слышала, что их копыта стучали по земле в таком же безжалостном ритме. Должно быть, люди Синклера сразу вскочили на своих лошадей во дворе церкви и присоединились к ним.

Они ехали слишком быстро, поэтому Эмма даже не пыталась сопротивляться. Если даже при среднем галопе она попытается соскочить с лошади, то при падении переломает себе все кости.

Ее унижительное положение было бы еще более опасным, если бы не большая теплая мускулистая рука, твердо державшая ее в области поясницы, совсем близко к нежной выпуклости ягодиц. И только это удерживало Эмму от того, чтобы перевернуться на коленях у незнакомца, как это делала одна из любимых тряпичных кукол Эдвины.

Но даже при этой сомнительной защите все равно не было гарантии, что следующий скачок лошади не сломает ее хрупкое ребро или не разmozжит ей голову о ствол одного из деревьев, то и дело мелькавших у нее перед глазами. Пейзаж менялся с головокружительной скоростью, и Эмма чувствовала, как двигаются крепкие мышцы бедер ее похитителя. Он направлял лошадь через заросли, лес и открытую местность, словно был с природой единым целым.

Когда копыта лошади выбрались из болотистого торфа и понеслись вперед, воспарив над глубоким оврагом, Эмма испуганно вскрикнула и зажмурилась. Когда она опять открыла глаза, они мчались вдоль самого отдаленного края крутого обрыва. У Эммы перед глазами быстро промелькнула узкая горная

долина внизу и холмистые предгорья с каменными башнями замка Хепберн с бойницами. Страх Эммы перерос в ледяной ужас, когда до нее дошло, как далеко они уже уехали от церкви и от цивилизации.

Они скакали так долго, что Эмма не удивилась, если бы они прибыли прямо к воротам ада. Но когда Синклер наконец натянул поводья, замедляя аллюр лошади до рыси и переводя ее на шаг, в нос Эмме ударил не запах серы, а бодрящий аромат кедра.

Эмма не знала, чего ей ждать по прибытии в неизвестное для нее место, но то, что ее бесцеремонно поставят на ноги, оказалось неожиданным. Синклер перекинул через спину лошади длинную ногу и без видимых усилий грациозно встал на ноги, а Эмма пошатнулась назад и едва не упала. В ногах чувствовалась слабость, они были словно ватные, совсем как во время путешествия на яхте с отцом летом в Брайтоне, перед тем как его покинула удача за карточным столом.

Эмма постаралась удержать равновесие и поняла, что стоит в центре просторной поляны под куполом унылого, серого неба и в окружении пышной рощицы вечнозеленых деревьев. Их похожие на перья ветки смягчали резкие порывы ветра, сюда не доносился его рев, только стоны.

Здесь, когда сам воздух пах свободой, она еще больше, чем прежде, чувствовала себя заложницей обстоятельств.

После такого утомительного путешествия Эмма должна была почувствовать хоть какое-то облегчение. Но, убрав с лица спутанные пряди, чтобы смело противостоять человеку, который теперь был хозяином ее судьбы, она опасалась, что вместо облегчения ее ждет кое-что совсем другого рода.

Он стоял с другой стороны лошади, его ловкие руки расслабляли медную подпругу, которая удерживала на месте седло. Черные пряди волос скрывали выражение его лица от Эммы.

Она стояла, терзаясь неведением, а он снял тяжелое седло, и только бугрившиеся мышцы плеч выдали его усилие. Синклер бросил седло на ворох сосновых иголок, потом повернулся, чтобы снять уздечку с лоснящейся шеи лошади.

Его люди остановили своих лошадей на почтительном расстоянии и с такой же легкостью распрягали их. И хотя некоторые позволили себе косые взгляды в сторону Эммы, складывалось впечатление, что они подражали равнодушию своего предводителя.

Эмма почувствовала, что ее страх начал перерождаться в гнев. Она ожидала, что Синклер станет устрашать ее, но уж никак не игнорировать. Он выполнял свои обычные дела как будто и не похищал ее под дулом пистолета с собственной свадьбы и из семейного круга.

Эмма украдкой бросила взгляд назад. Интересно, заметит ли он, если она развернется и бросится навстречу свободе.

– На твоём месте я бы не пытался, – спокойно сказал Синклер.

Удивившись, Эмма повернула голову в его сторону. Синклер чистил щёткой дрожащие бока животного, сосредоточив на этом все своё внимание. Он как будто каким-то шестым чувством, ничего не слыша и не видя, предугадал её мысли и направление взгляда.

И всё же Эмма почувствовала радость победы. По крайней мере она доказала, что её присутствие не настолько безразлично ему, как он пытался это представить.

– Как ваша заложница, разве я не обязана это сделать? – Эмма старалась, чтобы её голос не дрожал. – Попытаться вырваться из ваших чудовищных лап?

– Зачем попусту тратить силы, девочка? – пожал мощными плечами Синклер. – Ты и десяти шагов не успеешь сделать, как я остановлю.

– Как? Выстрелом в спину?

Синклер наконец посмотрел на неё. Слегка выгнутая чёрная бровь предупреждала, что она всё-таки удивила его.

– Мне кажется, это было бы напрасной тратой превосходного пороха. Тем более что от тебя живой мне пользы больше, чем от мертвой.

– Как трогательно, – фыркнула Эмма, – но только боюсь, вы раскрыли ваши карты. Если мне известно, что вы не собираетесь меня убивать, тогда что может остановить меня от попытки сбежать?

Синклер обошел вокруг лошади. Его шаги были столь же ровными и решительными, сколь и его голос:

– Я.

Теперь, когда Эмма полностью завладела его вниманием, она пожалела о своей поспешности. Сердце гулко колотилось в груди, когда она отступила назад, понимая, что у нее все равно нет надежды ускользнуть от него. Он был молодым, сильным, мужественным... Опасным. Словом, у него было все, чем не мог похвастаться ее жених.

Может, у этого человека и не было намерения убивать ее, но он мог сделать другое, то, что, по мнению многих, может быть даже хуже.

Гораздо хуже.

Ее спина уперлась в сучковатый ствол сосны, не оставляя другого выбора, кроме как не сдавать позиций перед неумолимым приближением незнакомца. Здесь, на утесе, воздух, должно быть, более разреженный. Чем ближе подходил к ней Синклер, тем труднее дышалось. Когда его тень накрыла Эмму, затмив собой тусклый дневной свет, у нее закружилась голова.

Она считала, что эти светло-зеленые глаза в обрамлении пушистых черных ресниц – самое поразительное, что в нем есть. Но теперь, увидев его близко, такой уверенности у нее уже не было. Возможно, он и был обыкновенным бандитом, но у него были высокие широкие скулы короля, прямой, как лезвие, нос со слегка расширяющимися ноздрями и полные, грешно чувственные губы. На подбородке – едва заметная ямочка.

Синклер положил обе руки на ствол дерева у нее над головой и наклонился к ней так близко, что Эмма почувствовала тепло его мускулистого тела. Ее страх и головокружение усилились еще больше, когда она вдохнула его теплый мускусный запах.

Несмотря на резкие нотки, его голос звучал мягко, касаясь изящной мочки уха, словно бархат. То, что он говорил, предназначалось только для нее и для него:

– Если ты попытаешься бежать, мне придется коснуться тебя руками. Поэтому, если только ты не рассчитываешь, что это доставит тебе удовольствие, что вполне возможно, тебе стоит дважды подумать об этом: бежать или нет.

Потом защищающее тепло его тела исчезло, и Эмма опять почувствовала ледяное дыхание неуютной погоды. Она задрожала, но эта непроизвольная дрожь возникла скорее от мягкой угрозы Синклера, чем от холода. А он сам вернулся к своей несносной лошади, как будто у него не было других забот в этом мире.

Эмма бросила взгляд в сторону других мужчин и поняла, что их короткий разговор привлек внимание остальных. Один малый с болезненным лицом и острой темной бородкой даже осмелился ткнуть локтем своего соседа и громко захихикать.

– Не будьте столь самоуверенны, сэр, – крикнула вдогонку Синклеру Эмма. Уязвленное самолюбие оттолкнуло страх. – Полагаю, ваш триумф будет кратковременным. Вероятно, пока мы здесь разговариваем, граф ставит в известность власти и снаряжает собственных людей, чтобы спасти меня.

– Как только мы довольно высоко заберемся на эту гору, он никогда нас не найдет, и он об этом знает, – бросил через плечо Синклер. – Никто и никогда не найдет Синклеров, если они не хотят, чтобы их нашли. Даже Хепберны. Но ты не волнуйся, девочка, – добавил он мягким дразнящим тоном. – Если все пойдет так, как запланировано, ты вернешься в объятия своего обожаемого жениха раньше, чем остынет его постель. Или по крайней мере она не станет холоднее, чем есть.

Синклер начал чистить лошадь, а его люди разразились громким смехом, оценив слова своего предводителя. Эмма подавила в себе новый приступ дрожи, пробравшей ее до костей, когда поняла, что презрение этого человека относится не только к графу.

Кража невест – славная традиция Шотландского нагорья, но Джеймс Аластэр Синклер никогда не думал, что ему придется украсть чужую невесту. Ходили слухи, что его собственный прапрадед Мактавиш Синклер украл свою пятнадцатилетнюю невесту у ее разгневанного отца, и ему тогда было всего семнадцать. Она отказывалась разговаривать с ним, пока не родился их первый ребенок. Потом следующие сорок шесть лет их брака она непрерывно болтала, чтобы наверстать упущенное. Когда прапрадед умер во сне в возрасте шестидесяти трех лет, она безутешно рыдала и умерла через несколько дней. Говорят, от разрыва сердца.

Джейми должен быть счастлив, что его собственное сердце никогда не бывало в такой ужасной опасности.

Когда тучи рассеялись и на ночном небе стали появляться мигающие звезды, его команда быстро расправилась с глиняным кувшином шотландского виски, передавая его из рук в руки, и устроилась на ночлег. Джейми присел рядом с костром и зачерпнул в миску здоровую порцию дымящегося рагу с кроликом, бросив подозрительный взгляд на свою пленницу.

Эмма сидела на камне у самых деревьев, сторонясь соблазнительного тепла костра и компании Синклера. На ее бледном лице покоились тени от нависающих веток. Из волос выпала последняя шпилька, и они рассыпались вокруг лица беспорядочной копной медных завитков. Она сидела, обхватив себя тонкими руками, перепачканные в грязи клочья ее некогда элегантного платья плохо защищали от сильного горного ветра. Несмотря на эту жалкую позу, ее мягкий рот и маленький острый подбородок выражали непокорность. Она смотрела мимо Синклера в потрескивающее пламя костра, словно каким-то образом могла заставить его вместе с его людьми исчезнуть, просто игнорируя их существование.

Джейми нахмурился. Он ожидал, что молодая невеста графа будет слабой бесхарактерной английской мисс, не слишком сообразительной и легко запугиваемой. Исходя из того, что он знал о Хепберне, он посчитал, что старый негодяй сознательно выбрал девчушку, которая скорее всего умрет во время родов, после того как передаст извивающееся тельце ребенка взмокшей няньке.

Ее упорная демонстрация сильного духа, несмотря на оглушительный страх, и в церкви, и здесь на поляне, выбила Синклера из колеи и вызвала восхищение, которое он вряд ли мог себе позволить. В конце концов, эта девушка для него –

всего лишь средство к достижению цели, и больше ничего; кратковременное неудобство, от которого он избавится сразу же, как только Хепберн выполнит требование.

Джейми казалось, что этого момента он ждал уже целую вечность, и теперь настало его время. Но он все еще был решительно настроен дать Хепберну пару дней, чтобы тот мог оценить все тяготы судьбы, которые могут свалиться на голову его невинной невесты, если он не выполнит требования.

Сквозь ветки сосен прорвался пробирающий до костей порыв ветра и закружил по поляне. Для загрубевшей кожи Синклера этот ветер был не сильнее нежного бриза, но девушка задрожала и еще крепче обхватила себя руками, так что побелели костяшки пальцев. Джейми подозревал, что теперь она сжимала зубы не из-за сдерживаемой ярости, а для того, чтобы они не стучали от холода.

Тихо выругавшись на кельтском, он выпрямился и направился к Эмме. Синклер остановился прямо перед ней, протягивая миску с дымящимся рагу. Эмма продолжала смотреть вперед, не обращая ни малейшего внимания ни на него самого, ни на предлагаемую еду.

– Если ты намерена уморить себя голодом до смерти, чтобы мне стало стыдно, – у Синклера даже рука не дрогнула, – то это не поможет. Твой драгоценный жених расскажет тебе, что ни у меня, ни у моей родни нет совести.

Он помахал миской перед ее надменно вздернутым маленьким носиком, нарочно соблазняя сочным ароматом. И желудок Эммы выдал ее громким урчанием. Выстрелив в него обиженным взглядом, она выхватила из его руки миску.

Синклер наблюдал со смешанным чувством триумфа и изумления, как она орудует грубо вырезанной деревянной ложкой, жадно черпая рагу. Он вдруг почувствовал неожиданное удовольствие, заметив, как розовеют ее щеки. Ходили слухи, что невеста Хепберна не обладает сногшибательной красотой, но ее веснушчатые щеки и точеные черты лица излучали обворожительный шарм, и вряд ли это можно было отрицать. Синклер понял, что против собственного желания его взгляд прикован к мягким губам, которые сомкнулись вокруг ложки, к гибкой грации маленького язычка, когда она высунула его, чтобы облизать эту ложку.

Невинный вид пленницы вызвал удивительное желание внизу живота. Испугавшись, что сейчас с рычанием набросится на нее, Синклер развернулся.

– Как долго я буду оставаться вашей пленницей, сэр?

– Это зависит от того, насколько ценит тебя твой жених, – вздохнул, поворачиваясь к ней опять, Синклер. – Возможно, судьба не покажется тебе такой суровой, если ты попытаешься представить себя моей гостьей.

Эмма наморщила носик, привлекая внимание Синклера к скоплению веснушек у нее на переносице.

– В таком случае должна сказать, что ваше гостеприимство оставляет желать много лучшего. Большинство хозяев, невзирая на скупость, по крайней мере обеспечивают крышу над головой гостыи. А также четыре стены, чтобы не заморозить ее до смерти.

Синклер упер одну ногу в ствол поваленного дерева и поднял голову, чтобы посмотреть на величавый простор ночного неба, окрасившегося в сине-фиолетовый цвет.

– Наши стены – мохнатые ветки сосен, наша крыша – купол неба, усеянный драгоценными камнями звезд, которые рассыпала рука Всемогущего. Сомневаюсь, что в каком-нибудь бальном зале Лондона можно найти более грандиозный вид.

Когда в ответ на его слова не последовало никакой реакции, Синклер покосился в ее сторону и понял, что вместо звездного неба его пленница пристально изучает его профиль. Она быстро опустила глаза, спрятав их под желтовато-коричневыми ресницами.

– Я ожидала услышать ненамного больше неразборчивого бормотания. Похоже, граф был не прав, сэр. Ваше образование не стало пустой тратой времени. По крайней мере если судить по вашему словарному запасу.

Синклер в шутку поклонился ей, но у него это получилось настолько безупречно, что сделало бы честь любому джентльмену.

– Если хватает времени и настойчивости, то даже дикарь может научиться подражать тому, кто лучше.

– Как Йен Хепберн? Судя по тому, что вы говорили в церкви, он был одним из таких лучших в университете?

– Это было время, когда он, возможно, считал себя моей ровней. Но тогда он знал меня только как своего дорогого друга Сина. Однажды его дядюшка сообщил ему, что я – немытый, мерзкий Синклер с грязью под ногтями и перепачканными в крови руками, и он больше не захотел иметь со мной ничего общего.

– С тех пор как я сама несколько часов назад вас узнала, мне не в чем его упрекнуть.

– Да, девочка! – похлопал по своей груди Синклер. – Своим маленьким острым язычком ты пронзила меня в самое сердце. Неужели в твоей душе нет ни капли жалости к абсолютно невежественному шотландцу?

Эмма надеялась уберечься от необыкновенного влияния, которое оказывал на нее его бархатистый рокочущий акцент.

– Мое имя не девочка! – вскочила она на ноги. – Меня зовут Эммалина. Или мисс Марлоу, если вы достаточно воспитанны, чтобы соблюдать все тонкости общества. Мой отец – баронет, представитель мелкопоместного дворянства.

– Такой благородный, что готов продать свою дочь покупателю, предлагающему самую высокую цену? – фыркнул Джейми, сложив руки на груди.

– Единственному покупателю, – тихо заметила Эмма, вздернув подбородок и не собираясь пасовать перед его язвительным замечанием.

Подобное признание застало Джейми врасплох. Девушка была стройная и гибкая, как тростинка, с маленькой грудью, но при этом необыкновенно женственна. Если бы она родилась и выросла на этой горе, одурманенные поклонники выстраивались бы рядами, чтобы упасть к ее ногам.

– И не надо лепить из моего отца образ жадного злодея из готической мелодрамы, – добавила Эмма. – Почем вам знать, может, я по уши влюблена в графа.

– А я, может быть, король Шотландии, – расхохотался Джейми и позволил себе окинуть Эмму пристальным взглядом. – Существует только одна причина, по которой такая женщина, как ты, выйдет замуж за такой рассыпающийся старый мешок костей, как Хепберн.

– Вы похитили меня всего лишь несколько часов назад. – Эмма подбоченилась. – Как вы можете брать на себя смелость утверждать, что я за женщина?

Синклер даже сам не сразу понял, что он делает. Он шагнул к Эмме и заглубившими костяшками пальцев провел по удивительно нежной коже щеки. Он никогда не принадлежал к тому типу мужчин, которым нравятся задиристые женщины, но в этой колкой на язык девушке было что-то такое, что пробудило в нем желание прикоснуться к ней, добиться от нее хоть какой-то реакции, пусть даже во вред себе.

– Я знаю, что ты все еще молода и хороша собой, – прижавшись к ее уху губами, прошептал Джейми, – поэтому тебе в постели нужен настоящий мужчина.

Внезапная дрожь, которая не имела никакого отношения ни к страху, ни к резкому ветру, пронзила тело Эммы. Когда Джейми отшатнулся назад и заглянул в ее лицо, она с полуоткрытыми дрожащими губами подняла на него широко распахнутые темно-синие глаза, в которых отражалась восходящая луна.

Испугавшись, что не устоит перед ее невольным приглашением, Джейми отвернулся и пошел, настроившись принести ей скатку с постелью и забыть о ней на ночь.

Но ее следующие слова заставили Синклера замереть на месте.

– Вы ошибаетесь насчет моего отца, сэр. Это не он корыстолюбив. Это я.

Джейми медленно повернулся, прищурился, чувствуя, как осторожность, сковавшая позвоночник, покидает его. Такое беспокойное чувство он много раз переживал прежде, обычно буквально за несколько секунд до того, как попасть в засаду бродячих банд наемных стрелков Хепберна.

В ее позе не было больше ни отчаяния, ни страха. Наоборот, всем своим видом Эмма демонстрировала непокорность. Ее голос звучал ровно, а глаза были холодными, как серебристый лунный свет, играющий на ее высоких веснушчатых скулах.

– Даже самому обыкновенному бандиту, как вы, несомненно, должно быть, известно, что большинство женщин продадут не только свои тела, но и души, чтобы выйти замуж за такого богатого и влиятельного человека, как граф. Как только я стану графиней, у меня будет все, чего только может пожелать женщина: дорогие украшения, меха, земли и столько золота, что за всю жизнь я вряд ли смогу его потратить или пересчитать. И обещаю вам, что не буду испытывать недостатка мужчин в своей постели, – добавила Эмма, презрительно вздернув голову. – Как только я рожу ему наследника, уверена, граф не станет жалеть расходов на сезон в Лондоне и на здорового молодого любовника... или двух.

Прежде чем сказать что-то, Джейми долго в задумчивости смотрел на нее.

– Меня зовут не сэр, мисс Марлоу. Мое имя – Джейми.

С этими словами Синклер повернулся и ушел, оставив ее хрупкую фигурку бороться с резким ветром.

Глава 4

«Джейми, – подумала Эмма. – Какое безобидное имя для такого опасного человека».

Когда луна достигла вершины небесного свода и начала медленно опускаться, Эмма поглубже зарылась в гнездо из колючих шерстяных одеял, которые принес

ей Синклер. На них остался его запах, и от этого она лишь острее ощутила свое мучение.

Для ее утонченного носа сильный запах мускуса с примешивающимися земными ароматами кожи, дыма костра и лошади должны были быть неприятны. Большинство знакомых ей мужчин, включая отца и всех джентльменов, с которыми она встречалась за три сезона в Лондоне, скрывали свои естественные запахи под удушливым слоем туалетного мыла и цветочных одеколонов. Можно было задохнуться, входя в зал для приемов и балов, переполненный щеголями, обильно надушенными самыми популярными душистыми водами с запахом меда или розы. Экзотический запах Синклера несколько не оттолкнул Эмму, наоборот, она поймала себя на том, что глубоко вдыхает его, чтобы он проник в легкие, как будто обладал силой согреть ее продрогшее тело.

Эмма повернулась. На холодной твердой земле было так же неудобно, как на выступе скалы. Всякий раз, когда она шевелилась, находился какой-нибудь камень или ветка, который втыкался в ее нежную кожу. Да и не спала она вовсе, потому что рядом с ней, всего в нескольких шагах, спали опасные люди. И все это происходило в дикой местности Шотландии.

Но даже пьяный храп не мог заглушить полностью эхо ее собственного насмешливого голоса: «Я уверена, что граф не станет жалеть расходов на сезон в Лондоне и на здорового молодого любовника... или двух».

Эмма громко застонала и натянула одеяло на голову, размышляя, что это на нее нашло. Она умудрилась пережить искусственное веселье родителей и притворную зависть сестер по поводу ее бракосочетания с графом, так почему же мнение незнакомца о ней оказалось таким унижительным для ее гордости?

Почему-то пока она стояла там, в лунном свете, под холодным оценивающим взглядом Синклера, казалось, что пусть он лучше считает ее жадной до денег женщиной, а не жертвенным ягненком, смиренно шествующим к своей смерти. Пусть он лучше не выносит ее, чем жалеет. На несколько драгоценных секунд она почувствовала себя сильной и влиятельной, хозяйкой собственной судьбы.

Теперь же она чувствовала себя ужасно.

Она, наверно, могла бы сдержаться, если бы он не продолжал называть ее девочкой. Это выводило ее из себя. Из его уст благодаря бархатистой картавости произношения это слово звучало скорее как ласка, чем как фамильярное оскорбление. И это заставило ее самым отчаянным образом установить между ними дистанцию, хотя бы даже просто настаивая на том, чтобы он признал ее социальное превосходство, называя мисс Марлоу. Скорее всего он рассмеется ей в лицо, если узнает, что ее благородный отец находится на расстоянии одной фляжки бренди и одной неудачной партии за карточным столом от долговой тюрьмы.

Пока Эмма пыталась сделать из одеяла что-то наподобие подушки, его слова все время звучали у нее в голове. По телу прокатилась новая волна дрожи, когда она вспомнила, как загрубевшие костяшки его пальцев с обезоруживающей нежностью коснулись ее щеки. Его хриплый шепот навеял таинственные и соблазнительные образы того, что мужчина может делать с ней в постели. И эти образы не имели ничего общего с той неприятной обязанностью, о которой ей поведала мать. Даже сейчас от одних только воспоминаний об этом у нее забурлила кровь в венах, изгоняя озноб из продрогших костей.

Эмма закрыла глаза. Неужели Синклер осмелился намекнуть, что ей в постели нужен такой мужчина, как он? Мужчина, который не просто взберется на нее и станет покачиваться и кричать, как, по словам матери, скорее всего сделает граф? Мужчина, который станет добиваться ее нежными, перехватывающими дыхание поцелуями и умелыми ласками, пока она сама не захочет его близости?

Она распахнула глаза. Нет, все-таки тряска на спине лошади, должно быть, перевернула ей мозги. Невозможно, чтобы такой дикарь, как Джейми Синклер, оказался именно таким мужчиной. Судя по тому, что она слышала о диких горцах, которые все еще странствуют по этим холмам, он скорее всего повалит женщину на стол, задерет ей юбки на голову и грубо и поспешно удовлетворит свою страсть, не заботясь больше ни о ком.

Эмма высунула голову из-под одеял в надежде, что ледяной воздух охладит внезапный жар, вспыхнувший на щеках. Она привыкла каждый вечер слышать шепот и хихиканье сестер в постели, после того как мать гасила лампу. Сейчас она нерешительно прислушалась к тихому разговору двух мужчин, который они вели между собой.

– А она красотка, – сказал один из них, – хотя немного тощая на мой вкус.

– Судя по объёму той трактирщицы в пивной в Инвергарри, для тебя любая девчонка весом меньше пятнадцати стоунов[2 - 1 стоун – 6, 350 кг.] покажется тощей, Бон.

Эмма замерла, узнав приглушенный голос Синклера. И хотя она лежала спиной к костру, она инстинктивно закрыла глаза, чтобы никто не догадался, что она подслушивает, вместо того чтобы спать.

Слова Синклера были встречены томным вздохом человека по имени Бон.

– Да, моя Роузи была хороша, правда? Пышнотелая девчонка с большими сиськами, если хочешь знать.

– Ничего не хочу знать, но уверен, что много ночей подряд она будет приходить в мои сны, – сухо заметил Синклер.

– Только не надо разыгрывать передо мной монаха, парень. Я точно знаю, что этой холодной весенней ночью нет ничего лучше, чем согреться между парой мягких белоснежных бедер.

– Ты слышал, что я сказал в церкви, – резким голосом ответил Синклер. – Если Хепберн выполнит мои требования, я не причиню ей вреда.

– Ты обещал вернуть ее, не причинив вреда, но не обещал не трахать, – захохотал собеседник Синклера, и Эмма стала судорожно соображать, что это за слово такое незнакомое. – Это была бы окончательная месть, а? Отправить ее назад к этому старому черту с маленьким Синклером в животе?

Когда до Эммы дошел весь смысл сказанного, у нее застыла кровь в жилах. Пусть она все еще невинна, но ведь не дуручка. Если Синклер решит воспользоваться ее нежным молодым телом, чтобы утолить жажду мести, она не сможет остановить его. Никто не обратит внимания на ее отчаянную борьбу или на мольбы о пощаде. Судя по словам, которые только что произнес его компаньон, эти люди скорее соберутся в кружок и станут подзадоривать его, чем бросятся спасать ее.

Эмма вздрогнула, снова вспомнив ужасные слова, которые сказала Синклеру. Поскольку она открыто признала свое желание завести здорового любовника, как только ей позволит граф, Синклер вполне может решить, что она одобрит его поползновения.

Эмма затаила дыхание, ожидая, что Синклер возмутится и отчитает своего человека за то, что тот сделал такое гнусное предложение. Но в напряженной тишине был слышен только веселый треск углей в костре. Глаза Эммы по-прежнему были крепко закрыты, но она ясно представляла Синклера, сидящего у костра, пламя которого отбрасывало тени на его царственные скулы, пока он размышлял над советом своего компаньона.

Больше не в силах сдерживать тревогу, она осмелилась бросить через плечо вороватый взгляд. Синклер сидел к ней спиной, глядя в костер и закрывая от нее своего собеседника. В этом положении его широкие плечи и спина впечатляли еще больше.

Эмма не собиралась просто лежать здесь и ждать, когда на нее упадет его тень, закрыв собой лунный свет и погрузив ее в темноту. Она отогнула краешек одеяла, и тотчас в голове пронеслось предупреждение, произнесенное бархатным голосом: «Если ты побежишь, мне придется прикоснуться к тебе...»

Эмма беззвучно скатилась с импровизированной кровати.

Если Джейми Синклер захочет прикоснуться к ней, ему придется сначала поймать ее.

Джейми Синклер пристально смотрел на своего кузена сквозь пляшущее пламя костра. Ужасный жар только усиливал дьявольский блеск черных глаз Бона и озорной изгиб тонких темных бровей.

Бон был одним из тех немногих, кто может выдержать даже самый суровый взгляд Джейми. На этот счет у него был богатый опыт. Сначала они еще мальчишками вместе бегали по землям Синклера, теперь примерно полдюжины лет сражаются против Хепберна и его людей. Единственное, когда они были разлучены, так это несколько длинных унылых лет, которые Джейми провел в Сент-Эндрюсе.

Если бы Джейми не знал, что Бон сознательно дразнит его, он бы перепрыгнул через костер и дал бы ему в ухо, как делал много раз еще мальчишкой. Чаще всего эти двое заканчивали тем, что катались в грязи, колотя друг друга кулаками, пока кто-нибудь, обычно это была мать Бона, упокой, Господи, ее страдающую душу, брала их за шиворот и растаскивала, дав обоим по звонкой оплеухе.

Эти шумные ссоры прекратились, когда Джейми исполнилось четырнадцать лет и он очень быстро превзошел Бона на восемь дюймов по росту и на два стоуна по весу. Бон был вынужден сражаться, призвав на помощь свою сообразительность вместо кулаков. Эта сообразительность и теперь сквозила в его взгляде, когда он с невинным лицом посмотрел на Джейми.

Джейми следовало сразу возмутиться словами кузена, но он не мог отрицать, что в них кроется правда. Мало кто на этой горе станет осуждать его за невесту старого Хепберна. Если семя Синклера будет жить в утробе женщины, которую Хепберн выбрал для рождения собственного сына, то после всего, что этот негодяй сделал его семье, включая попытку стереть имя Синклера с лица земли, это будет самой подходящей мезтью.

Джейми ощутил неожиданный приступ желания. Впервые с тех пор как они с Боном стали вести свою игру разума и воли, Джейми первым отвел глаза.

Не обращая внимания на триумфальную ухмылку Бона, Джейми взял палку и помешал в костре. В бархатистую темноту ночного неба взметнулся сноп искр.

– Не стоит играть в эти игры. Я прекрасно понимаю, что ты не одобряешь похищение невесты Хепберна, – произнес Синклер.

– А почему я должен это одобрять, когда скорее всего все закончится для нас виселицей? После того как ты похитил англичанку, что должно остановить Хепберна, чтобы он не созвал всю британскую армию для охоты за нашими головами?

– Собственная гордость. Тебе известно, что он скорее умрет, чем попросит помощи у кого бы то ни было. Хоть у англичанина, хоть у шотландца.

– Тогда я хочу, чтобы мы поскорее встретились. Пусть он умрет и избавит нас от этой проблемы. – Бон ткнул пальцем в ту сторону, где Джейми оставил свою пленницу. – Потому что, поверь мне, от этой девицы ничего, кроме проблем, мы не получим.

– Сомневаюсь, – фыркнул Джейми, – что такая строгая и упрямая девушка, как эта, доставляет хлопот больше, чем пропущенный стежок на вышивке. И уж точно проблем от нее меньше, чем от той хорошенькой крошки-молочницы в Торланде, муж которой грозился оторвать твою костлявую руку и избить тебя ею до смерти, когда в полночь поймал тебя крадущимся из окна его спальни, – покосился он в сторону Бона.

– О, моя сладкая Пег! – мечтательно вздохнул Бон. – За нее стоило умереть, потому что она была хороша не только в постели. Ты можешь сказать то же самое о женщине Хепберна?

– Она ему не принадлежит. – Джейми отбросил в сторону палку, которой мешал в костре. – По крайней мере пока. И потом, я не собираюсь умирать за нее. Ни на виселице, ни как-то иначе.

– А почему ты думаешь, что Хепберн захочет заплатить и вернуть ее? По-моему, он никогда не отличался сентиментальностью. Некоторые говорят, что душу и сердце он давно продал дьяволу.

– Заплатит, никуда не денется. И не потому, что испытывает особую любовь к девице. Просто не сможет жить с мыслью о том, что Синклеры украли то, что принадлежит ему, – ухмыльнулся Джейми. – И из всех Синклеров я в особенности.

– Ну а если Йен Хепберн не такой гордый, как его дед? Если он убедит старого черта привлечь на свою сторону красные мундиры[3 - Английские солдаты.]?

Джеймс перевел взгляд на костер. Даже ему пришлось признать, что Йен – слабое звено в его тщательно рассчитанном плане. Он не скрывал, что его потрясла глубина ненависти, которой светились глаза бывшего друга, когда они столкнулись в церкви.

– Если уж на то пошло, – резко потрянул головой Джейми, – Йен ненавидит меня больше, чем его дядя. И не захочет, чтобы красные мундиры выполнили за них эту грязную работу. Ему доставит больше удовольствия задушить меня собственноручно, чем воспользоваться петлей виселицы.

Блеск темных глаз Бона потускнел от набежавшей тревоги.

– Я не знаю, что ты хочешь попросить у Хепберна в обмен на его невесту, но это должно быть что-то невероятное, чтобы оправдать риск, которому мы подвергаем собственные шеи, включая твою. Ты уверен, что это стоит того?

– Да. – Джейми не мигая смотрел в глаза Бону. Бон всегда был для него скорее братом, чем кузеном, и он должен был сказать ему хотя бы часть правды. – Обещаю тебе.

Спустя много времени после того, как Бон отправился спать, Джейми даже не заметил, как оказался рядом с тем местом, где спала их пленница. Он надеялся, что сможет сдержать обещание, данное кузену. Если он ошибся и Хепберн привлечет солдат на свою сторону, чтобы вернуть невесту, тогда весь клан обречен на гибель.

Он давно подозревал, что Хепберну втайне доставляет удовольствие их игра в кошки-мышки, в которую они играют практически с момента рождения Джейми. Синклер живо представлял себе, как старик радостно потирает костлявые руки, обдумывая следующий шаг. Для такого человека, как Хепберн, эта гора все равно что личная шахматная доска и люди, которые зарабатывают себе на хлеб тяжелым трудом на каменистой почве, всего лишь пешки в его руках, которые передвигаются по его прихоти и ради его удовольствия. Существует только один способ победить этого человека: следует быть более осторожным и... более жестоким, чем он. Похитив невинную женщину, Джейми наконец преуспел и в том и в другом.

Синклер бросил сердитый взгляд на разложенную из скатки постель. Девушка, спавшая у его ног, была для графа не больше, чем заложница. Он знал, что Хепберна безмерно раздражало, что он пережил троих своих сыновей и всех своих отпрысков, тогда как Джейми не только выжил, но и преуспел. Хепберн ни перед чем не остановится, чтобы родить себе нового наследника.

Джейми провел рукой по напряженному подбородку, задумавшись, почему так сглупил, назначив себя караульным. Ведь он мог легко приказать сделать это кому-то из своих людей. Он бросил взгляд по другую сторону костра, где разместился на ночь весь отряд. И хотя многим из них он доверял свою жизнь, почему-то мисс Марлоу он доверить им не мог. Черт, в этот момент в том, что касается этой девушки, он и себе не доверял. Особенно после ядовитых слов Бона, которые никак не шли у него из головы.

Она укрылась одеялами с головой, и даже медные кудряшки волос были не видны. Джейми нахмурился. Она ведь леди, а не какая-нибудь крепкая девушка шотландского высокогорья. Наверно, привыкла спать на мягкой кровати с горой одеял, а не на твердой земле под одним только тонким шерстяным одеялом, которое вряд ли защитит от холода.

Джейми присел на корточки и потянул одеяло, желая убедиться, что она не замерзла до смерти просто назло ему.

Рыжих кудряшек под одеялом не оказалось. Мисс Марлоу исчезла.

Глава 5

Не веря собственным глазам, Джейми тупо смотрел на пустое место, где должна была лежать Эмма.

Она не только умудрилась сбежать из лагеря, когда он сидел всего лишь в нескольких футах от нее, но и оказалась достаточно умна, свернув одеяла так, что любой, бросив случайный взгляд в ту сторону, подумал бы, что она просто укрылась с головой.

- Чертовщина, - выдохнул Джейми, проведя рукой по волосам.

Он должен был предвидеть, что любому, кто свяжется с Хепберном, доверять нельзя. Какой же он идиот, что не привязал ее к ближайшему дереву, когда была такая возможность. Захотелось поиграть в джентльмена.

Джейми выпрямился и мрачным взглядом окинул тени от ближайших деревьев. Никогда бы не подумал, что у этой девочки хватит смелости пренебречь его предупреждением и не испугаться ночи и дикой местности.

Только Джейми слишком хорошо знал, насколько эта дикая местность может быть опасна и не прощает подобных вольностей. У англичанки, привыкшей жить под крышей, нет ни малейшего шанса сориентироваться в горной местности. Скорее всего не пройдет и часа, как она свалится в ручей и, если повезет, успеет утонуть до того, как насмерть замерзнет или разобьется, упав с края скалы. Джейми представил себе хрупкое молодое тело, лежащее внизу какого-нибудь ущелья, и это встревожило его куда больше, чем хотелось признавать.

Джейми понимал, что единственное правильное решение сейчас – поднять людей и отправить их прочесать лес. Но какая-то внутренняя интуиция остановила его. Хепберн назначил цену за его голову в ту минуту, когда Джейми только родился. И он прекрасно знал, что чувствует человек, за которым охотятся по этим холмам; знал, как это – бежать, пока не начинают подгибаться ноги от боли, а легкие готовы взорваться от нехватки воздуха; как никогда не знаешь – может, твой следующий вздох последний. Ему была невыносима мысль о том, как его люди гонят перед собой Эмму, как будто она беспомощное лесное существо. Они вполне могут испугать ее, и она сорвется с утеса.

Джейми подошел к краю поляны и отвел в сторону низко растущие ветки сосны. Опытным взглядом он внимательно осмотрел подлесок на предмет осыпавшихся иголок и сломанных веток, и его лицо озарилось грустной улыбкой. Похоже, мисс Марлоу оставила такой след, что даже слепой его увидит.

Эмма безрассудно бежала по лесу с одной-единственной мыслью – спастись от похитителей. Она понимала, что у нее нет шансов самой спуститься с горы, но если она сможет оторваться от Синклера и его людей, то, возможно, ей удастся найти какое-нибудь дуплистое дерево или другое укрытие в глухом месте, где она сможет спрятаться, пока сюда не доберутся люди графа, чтобы спасти ее. Судя по крутому склону и по тому, сколько раз она спотыкалась, Эмма двигалась в правильном направлении. Вниз.

Этот лес был совсем не похож на тот, что окружал земли отца в Ланкашире. Там она с сестрами провела немало приятных часов, собирая полевые цветы или

грибы, играя в пиратов или в прекрасных принцесс. Широко раскинутые ветви вязов или дубов пропускали яркие солнечные лучи, покрытые мхом низины и светлые поляны больше напоминали парк, чем лес.

Это место было больше похоже на лес из какой-то мрачной и угрожающей сказки. Место, где время остановилось навеки и в любую минуту может выскочить ужасный великан-людоед и сожрать тебя.

Толстая хвоя на ветках над головой Эммы пропускала лишь скудные блики лунного света. Спускаясь по скользкому, покрытому мхом склону, она дышала, как загнанное, доведенное до отчаяния, дикое животное.

Ей пришлось продираться по чему-то лишь отдаленно напоминающему тропинку. Но наверно, это и к лучшему. Меньше всего ей хотелось, чтобы Синклер и его люди вышли на ее след.

Она бежала, и ветки нещадно хлестали ее по щекам и рвали нежный шелк платья. Она застонала от боли, когда наступила ногой на острый камень. Тонкая подошва туфли из мягкой козлиной кожи плохо защищала ее нежные ступни. С таким же успехом можно было бежать босой. Эмма вздрогнула, шлепая по ледяной воде небольшого ручья, зная, что туфли скоро совсем развалятся и она останется босой. Чего бы она только не отдала сейчас за пару старых крепких полуботинок, которые остались дома под кроватью! Мать не позволила ей взять их с собой, настаивая, что граф купит ей элегантные туфли, как только они поженятся.

Эмма оглянулась. Невозможно было сказать, то ли ее преследовали, то ли звуки, которые она слышала за быстрым стуком сердца, отдававшимся в ушах, были всего лишь эхом ее собственных неуклюжих шагов. Она не собиралась останавливаться, чтобы узнать это.

У нее не было желания выяснять, как конкретно Джейми Синклер может наказать ее за отказ принять во внимание его предупреждение. Судя по ледяному спокойствию, которое он продемонстрировал в церкви, и той власти, которую он имел над своими людьми, ее открытое неповиновение ему не понравится.

Ускорив шаг, Эмма бросила еще один отчаянный взгляд назад. В небе пропала луна, ей казалось, что за ней гонятся тени, вздымающаяся завеса темноты совсем грозила поглотить ее, не оставив и следа.

Взгляд Эммы метнулся вперед на тропинку, и она обнаружила, что несетя прямо к краю крутого обрыва. Было уже слишком поздно замедлять свой бег. Слишком поздно вообще делать что-то, кроме как, обезумев от отчаяния, ухватиться за тонкий ствол березы, нависшей над узким ущельем.

Руки скользнули по гладкой коре, не оставив ей никакой надежды. Эмма пронзительно вскрикнула и, соскользнув с края утеса, бесследно исчезла внизу.

Джейми замер, услышав короткий и пронзительный крик. А может, это всего лишь ночной крик какого-нибудь животного, хищника или жертвы.

Он вскинул голову, прислушиваясь, но вокруг стояла тишина, которую нарушал только заунывный вой ветра в близлежащей сосновой рощице.

И тут он почувствовал, что что-то не так. Он почти час преследовал Эмму, отслеживая ее путь не только ушами и глазами, но и каким-то более глубоким и примитивным, чем слух и зрение, чувством. И не важно, насколько далеко или быстро он шел, он чувствовал, что она там... где-то впереди, вне досягаемости, но все еще в его власти. Но теперь это ощущение пропало. Как будто оборвалась какая-то невидимая веревочка, оставив его болтаться над краем пропасти.

Сдерживая ругательства, Джейми побежал туда, откуда донесся этот беспомощный крик. Он не обращал внимания на ветки, хлеставшие его по лицу или пытавшиеся захватить его в свои колючие объятия. Он десятки раз бегал по этим лесам прежде, обычно от наступавших на пятки людей Хепберна.

На этот раз он бежал не от чего-то, а к чему-то. К несчастью, это что-то оказалось крутой скалой, которая резко обрывалась и заканчивалась бездной.

Джейми затормозил в нескольких футах от края ущелья, слыша гулкий стук сердца в груди. Эта скала была прекрасно знакома ему, он знал ее лучше того, кто оказался внизу по незнанию, или по неосторожности, или по фатальному

совпадению того и другого.

Джейми двинулся вперед, но теперь в его шагах уже не было уверенности. Его худшие опасения подтвердились. На короткий миг он закрыл глаза, а потом пристально посмотрел вниз с края скалы, уже заранее содрогаясь от вида, который ему предстояло там увидеть.

Эмма собралась умирать.

Если тонкий выступ скалы, покрытый грязью, прервавший ее падение, не обвалится под тяжестью тела и она не рухнет в каменную могилу, тогда она замерзнет. Когда напряжение первых секунд спало, глубоко в кости стал пробираться холод. Она съежилась, по-прежнему прижимаясь спиной к каменной стене выступа, и обмоталась лохмотьями свадебного платья, испугавшись, что от дрожи, сотрясавшей ее тело, выступ скалы может обвалиться.

Эмма бросила вверх взгляд, полный отчаяния. Она была всего в нескольких футах от вершины скалы, но с таким же успехом это расстояние могло быть и несколько сотен лье. Даже если ей удастся встать на ноги и выступ не обвалится, она все равно не дотянется до края скалы. На влажной стене скалы не было ничего, за что можно было уцепиться руками или куда поставить ногу.

То, что в данный момент она чувствовала не печальную или молящую покорность, а гнев, смешанный с небольшой долей удовлетворенности, наверно, являлось слабым свидетельством силы характера. Осталось еще только рассмеяться в конце, с легкой истерикой подумала Эмма. Когда она будет мертва, то не будет представлять никакой ценности ни для Синклера, ни для отца, ни для графа. И они не будут передавать ее туда-сюда, как призовую овцу или свинью на рынке. Интересно, захочет ли Синклер похоронить ее или просто оставит ее тело гнить на выступе, а сам отправится на похищение другой невесты?

– Эй, там внизу? Есть кто-нибудь?

Эмма вздрогнула, и новый поток грязи устремился с выступа вниз в ущелье. Она медленно запрокинула голову и увидела на краю скалы ухмыляющегося Джейми

Синклера.

Эмма почувствовала, как сразу стало легко на сердце. Чтобы скрыть это, она прищурилась:

– Не надо демонстрировать такой самодовольный вид, сэр. Что касается меня, то идите вы ко всем чертям!

– Ты не первая, кто посылает меня к черту, – еще шире улыбнулся Джейми, – и, возможно, не последняя.

– Меня это почему-то не удивляет, – фыркнула Эмма.

Джейми опустился на одно колено и внимательно посмотрел вниз. Его острый взгляд мгновенно оценил серьезность ситуации.

– Будешь подниматься наверх или мне спуститься?

– О, не стесняйтесь, – мило улыбнулась в ответ Эмма, – спускайтесь сюда. Обещаю, что помашу вам рукой, когда будете пролетать мимо.

– Но ведь никому из нас это не нужно, правильно? Поскольку вы очень скоро полетите следом за мной, и нам придется провести целую вечность в компании друг друга.

Эмма осторожно наблюдала за ним, пока он подполз на животе к самому краю и протянул ей руку.

Хорошо помня прежде всего, почему она застряла на этом выступе, Эмма проигнорировала протянутую руку.

– Я слышала слова вашего человека, – с неохотой призналась она. – Когда вы вдвоем сидели у костра.

У него на мгновение затуманились глаза, но потом взгляд опять прояснился, когда он сообразил, о чем идет речь.

– Да... – многозначительно сказал Джейми. – Так вот почему ты сбежала. Потому что подумала, что тебя...

– Трахнут, – с горечью в голосе завершила Эмма.

Ее слова потрясли Джейми, он едва сдержался, чтобы не закашлять. С ярко горящими глазами он пытался восстановить дыхание.

– Это слово мне незнакомо, – расстроено покачала головой Эмма, – потому что я не говорю по-шотландски. Но кое-что я знаю. Чтобы подготовить меня к первой брачной ночи, мать объяснила мне, что мужчина напорист... совсем как животное.

– А женщина нет? – удивленно выгнул бровь Джейми.

– Она намекала, что и женщины такие есть, но это нетипичные создания, которые срамят и разрушают свои семьи. Еще в довольно мучительных подробностях она объяснила, что ожидается от меня, если я должна родить графу наследника.

– И ты подумала, что я буду ждать от тебя этого же? – Искры в глазах Джейми превратились в опасный блеск. – Речь не об этом.

– Судя по тому, что сказал ваш человек, вы скорее будете требовать, чем ждать. – И пусть это было самое трудное, что ей приходилось делать в своей жизни, но Эмма выдержала его прямой взгляд. – Или просто возьмете то, что хотите, не умоляя меня уйти.

Крепкий подбородок Джейми напрягся, и только это едва уловимое движение явилось намеком на нечто непонятное и загадочное, что происходит между мужчиной и женщиной, когда ей приходится рассчитывать на его милосердие.

– Если только Хепберн отдаст мне то, что я хочу, тебе нечего бояться. Я никому не позволю обидеть тебя. – Джейми помолчал секунду и добавил: – Включая себя самого.

Эмма смотрела на протянутую ей руку. Все, что ей надо сделать, встать и воспользоваться его предложением о помощи.

Но почему она должна ему верить? У нее нет никаких оснований для этого. Он вор и негодяй. Он может лгать. Взгляд Эммы метнулся вниз, в головокружительную пропасть. Для настоящей леди лучше броситься на камни, чем позволить его рукам осквернить свое тело.

– Ты, девочка, забываешь одну вещь, – словно прочитав ее мысли, сказал Джейми. – Твоя добродетель представляет для меня почти такую же ценность, как и твоя жизнь. За поврежденный товар Хепберн и полпенни мне вряд ли заплатит.

– Почему вы думаете, что я все еще нужна ему? Как он может считать меня целой и невредимой, после того как вы и ваша банда протащили меня полпути до ада, даже не прихватив для меня компаньонки?

– О, ты все еще будешь нужна ему, – мрачно заметил Джейми, – пусть даже только для того, чтобы доказать, что один из Синклеров так и не взял верх над ним. Зная Хепберна, возможно, он станет настаивать на твоём осмотре его личным врачом, чтобы убедиться, что ты все еще стоишь того, чтобы быть его невестой.

Когда до Эммы дошел весь смысл его слов, она покраснела от смущения.

– Ну, я бы не стал исключать, что старый черт пригласит в свою спальню гостей со свадьбы, чтобы засвидетельствовать лишение тебя девственности, или на следующее утро вывесит в окно испачканную простыню, совсем как делали раньше предки лорда Хепберна.

– Прекратите! Прекратите пытаться сделать из доброго старика монстра, когда вы сами настоящий негодяй! Может быть, все это – ваше вранье, как и то, что вы намерены сделать со мной, если я доверюсь вам и подам руку!

– Ну а если и так?

Его невероятно спокойный голос несколько отрезвил Эмму.

– А если я действительно лгу тебе? – язвительно ухмыльнулся Джейми. – Неужели тебе не хватит мужества и ты предпочтешь умереть, чтобы сохранить свое драгоценное целомудрие? – И хотя Эмма подозревала, что он намеренно пытается вынудить ее к действию, она все еще была загипнотизирована жестоким лицемерием этих чувственных губ. – Ты установила очень высокую цену за себя, девочка, а? Почему бы тебе не подняться сюда и не показать мне, стоишь ты того или нет?

Не спуская с его лица разъяренного взгляда, Эмма начала потихоньку подниматься, по-прежнему прижимаясь спиной к каменной стене. Когда от незначительного движения тела на нее вновь посыпалась земля и мелкие камешки, она зажмурилась, почувствовав приступ головокружения.

– Вот черт! Держись за мою руку, женщина! – В голосе Джейми слышались умоляющие нотки. – Пожалуйста...

И не громкая команда, а именно эта примитивная мольба наконец возымела действие.

Эмма подняла руку и вложила ее в его широкую ладонь, выбрав жизнь, выбрав его. Он, словно тисками, обхватил пальцами ее тонкое запястье. Когда узкий выступ у нее под ногами оторвался от скалы и, спотыкаясь о камни, полетел в ущелье, Джейми уже выдержнул ее наверх, обхватив руками.

Глава 6

Джейми выпрямился и отполз назад, оттаскивая их обоих от края скалы. Когда стихло эхо последних звуков падения камней в ущелье, снова напомнив Эмме, что это могли быть ее хрупкие косточки, разбивающиеся о скалы, она беспомощно прижалась к Джейми, чувствуя щекой только тепло и твердость его обнаженной груди. Трепет в теле перерос в отчаянную дрожь, с которой она никак не могла совладать.

Джейми замешкался на мгновение, потом еще крепче обнял Эмму, прижимая к себе. От испытанного облегчения у нее немного затуманилось сознание, но даже

в этом состоянии она услышала, что его сердце колотится в таком же неистовом ритме, как и ее собственное.

– Ладно, ладно, девочка, – бормотал Джейми, глядя ее по спутанным волосам. – Все хорошо, теперь ты в безопасности.

Какая-то предательская часть души твердила Эмме, что она в полной безопасности в теплом кольце его рук. Она уперлась ладонями в его грудь и оттолкнулась от него, решительно настроившись встать на ноги.

Джейми осторожно наблюдал за ней, пока Эмма стряхивала куски грязи с изодранных грязных лохмотьев, в которые превратилось ее свадебное платье. Сквозь разодранный шелк виднелась бледная, покрытая веснушками кожа, и это не могло укрыться от взгляда Джейми.

– Когда я предупреждал тебя о попытке бегства, мне и в голову не могло прийти, что ты вобьешь в свою маленькую головку эту глупую идею, чтобы сбежать среди ночи и свалиться со скалы.

– Что вам нужно от меня теперь? – с вызовом спросила Эмма. – Чтобы я извинилась за попытку бегства или за то, что так бестолково провалила ее?

– Наверно, вопрос должен звучать несколько иначе. Что вам от меня нужно, мисс Марлоу? – Джейми сложил руки на груди. – Вы хотите, чтобы я доказал, что я последний негодяй, каким вы меня считаете? Вы намеренно пытаетесь спровоцировать меня поднять на вас руку? Подчинить вас своей воле?

– Что мне нужно, сэр? Я хочу поехать домой! – Когда эти слова сорвались с ее губ, Эмма была потрясена не меньше, чем Джейми. Она, казалось, целую вечность душила их в себе.

Джейми оцепенел. Тепло, которым лучились его глаза, растаяло, они вновь стали холодными и непроницаемыми, как изумруды.

– Я обещал, что верну тебя жениху сразу, как только смогу. Уверен, ты станешь очень хорошей хозяйкой в его замке. И в его постели.

Беспомощно качая головой, Эмма попятилась назад. Она опустилась на пень и подперла рукой подбородок, не в состоянии смотреть на него, боясь, что слезы, душившие ее, в конце концов брызнут из глаз.

– Замок Хепберна – это не мой дом. Мой дом – ветхое развалившееся поместье в Ланкашире, которое более двух веков принадлежит семье моей матери. Крыша течет, как сито, половицы скрипят от каждого шага, а под полом в кухне живет мышиная семья, которая каждую ночь выбирается из своего укрытия, чтобы стащить крошки с обеденного стола. Большинство ставней покосились и плохо закрываются, и когда идет снег, задувает так сильно, что даже на внутренней стороне окон образуется тонкий слой льда. Дымоход камина в гостиной чаще неисправен, чем находится в рабочем состоянии, поэтому, когда разжигаешь огонь, никогда не знаешь, чем все закончится. Возможно, из-за клубов дыма придется бежать из комнаты.

Она бросила недоверчивый взгляд на Джейми и отметила еще большее безразличие, написанное на его лице.

– Я всегда знаю, когда приходит весна, потому что веселая пара малиновок строит гнездо на падубе, растущем прямо перед окном моей спальни. Когда появляются птенцы, их чириканье будит меня на рассвете каждое утро. Дерево на краю сада вот-вот упадет, потому что его полностью опутали заросли дикой розы, – не сдержала мечтательной улыбки Эмма. – А осенью, когда в саду начинают падать яблоки, воздух наполняется таким терпким и сладким ароматом, от которого можно опьянеть.

– Ты так рассказываешь об этом месте, словно это рай на земле. А как же все то богатство, которое Хепберн может тебе дать? Украшения? Меха? Земли? Золото?

Эмма бросила на него взгляд, полный отчаяния:

– Я бы обменяла все это на возможность собрать ежевику в живой изгороди прекрасным летним утром.

– Но если ты так любишь свой дом, тогда почему согласилась выйти замуж за графа?

– До того как отец отправил меня на начало светского сезона в Лондоне, – взгляд Эммы устремился в темноту, – мы получили уведомление, что наш дом конфискован кредиторами и что у нас есть три месяца, чтобы его освободить. Предложение графа стало настоящим спасением. Он не стал требовать приданого, а вместо этого щедро заплатил отцу в обмен за мою руку. Сумма слишком большая, чтобы даже мой отец проиграл или пропил ее. Матери на всю оставшуюся жизнь будет гарантирована крыша над головой. А я в качестве новой графини буду обладать всеми необходимыми средствами и влиянием для первого выезда в Лондон своих сестер. Я смогу найти им хороших мужей и дома.

– Покинув свой дом и оставив надежду на счастье? – покачал головой Джейми. От гнева у него покраснели скулы. – Если твой отец пропил и проиграл все деньги семьи до последнего шиллинга, почему именно ты должна из-за этого страдать?

Эмма встала и посмотрела Джейми прямо в лицо:

– Потому что это я довела его до этого.

Глава 7

Три долгих года никто в ее семье не осмеливался произнести эти слова. Но теперь она стояла здесь и признавалась во всем едва знакомому и к тому же опасному человеку. Сказав эти слова вслух, Эмма почувствовала такое облегчение, что даже не сразу заметила недоверчивую улыбку на губах Джейми. Такую улыбку вызывает заговаривающийся беглец из сумасшедшего дома, который объявляет себя Ричардом Львиное Сердце или ванильным бланманже.

– Ты? Ты довела своего отца до бутылки и до игрового стола? – Улыбка Джейми переросла в недоверчивый смех. – Какой же тяжкий проступок ты совершила, маленькая озорная девчонка? Забыла выпустить кошку или разбила любимое блюдце матери из китайского фарфора?

– Я разбила сердце мужчины, – вздернула подбородок Эмма.

Эмма никак не ожидала от него новой вспышки хохота, вызванной тем, что он представил ее в роли соблазнительницы. Но когда она продолжила свой рассказ, его улыбка медленно погасла.

– Когда мне исполнилось семнадцать лет, я приехала в Лондон на свой первый светский сезон и остановилась у своей тетушки Берди и кузины Клары. Все прошло в точности так, как спланировали родители, и я смогла получить предложение от приятного молодого викария с отличными перспективами на скромную жизнь в Шропшире. После того как он получил сердечное благословение моего отца, были подписаны все документы о помолвке. Но меньше чем за месяц до вступления в брак я решила, что у меня нет другого выбора, как разорвать нашу помолвку.

– Почему?

Эмма отвернулась от него, закусила губу и покраснела, по-прежнему испытывая стыд за свой поступок.

– Я поняла, что люблю другого человека. Лисандр, второй сын маркиза, всякий раз льстил мне своим вниманием, когда мы встречались на балу или на прогулке в парке. Он умышленно искал моей компании и так ласково подтрунивал, что вскоре я поняла, что думаю о нем каждое мгновение, когда его нет рядом. После того как я съездила к жениху и разорвала помолвку, я разыскала Лисандра, чтобы сообщить ему об этом. Думала, он будет в восторге.

Джейми поморщился, как будто уже предвкушая неизбежный конец ее дешевого рассказика.

– Он был в ужасе. – На губах Эммы появилась насмешливая улыбка, она смеялась сама над собой. – Оказалось, что он уже был готов объявить о своей помолвке с молодой американской наследницей, очень красивой и очень богатой. Он совершенно четко дал понять, что с симпатичной дочкой баронета из Ланкашира у него никогда ничего не может быть, кроме флирта, умеренного к тому же. – Эмма пожала плечами, стряхивая незабываемую боль и унижение, от которой ее хрупкое молодое сердце выпрыгивало из груди. – Он был настолько щедр, что предложил мне стать его любовницей через некоторое время после свадьбы.

– Настоящий джентльмен! – провозгласил Джейми скорее с кровожадным, чем с восхищенным взглядом.

– Когда я отказалась, – опустила голову Эмма, – он с нежностью похлопал меня по руке и настаивал, чтобы я поскорее отыскала своего жениха и умоляла его о прощении, пока еще не поздно.

– Но ты не стала этого делать, – сделал вывод Джейми.

– Пожалуй, и хорошо, – печально покачала головой Эмма, – потому что оказалось, что уже слишком поздно. Во всяком случае, я узнала, что под добродетельной внешностью моего жениха скрывалась мстительная натура. Он нанял солиситора и подал на отца в суд за нарушение обещания. Разрешение этого неприятного момента едва не подвело нас всех к долговой тюрьме, а разразившийся скандал разрушил все надежды, которые у меня были, на обретение достойного жениха и бросил тень на перспективы моих сестер. Никто из мужчин не хочет рисковать и оказаться публично униженным, как я унизила бедного Джорджа. К сожалению, язык Джорджа оказался почти таким же злобным, как и его характер. Он не ограничился денежной компенсацией и стал распространять слухи, что моя дружба с Лисандром носила более интимный характер, чем это было на самом деле. Вряд ли ему удалось подорвать мою репутацию, но заронить тень сомнения точно удалось. И эти сомнения отбили охоту даже у самых страстных кавалеров. И поскольку никого больше не было...

– Несчастный ублюдок, – пробормотал Джейми. – Мне кажется, ты не сердце ему разбила, ты задела его гордость.

– Боюсь, результат от этого не изменился, – пожала плечами Эмма. – Отец стал больше пить и чаще играть. Он редко появлялся дома раньше рассвета, если вообще появлялся. – Она на мгновение закрыла глаза, вспомнив приглушенный стук шагов отца на лестнице, повышенные голоса, раздававшиеся из родительской спальни. – У отца всегда было пристрастие к картам, но мне кажется, он обманывал себя, веря, что сможет за игровым столом вернуть семейное благосостояние. На самом деле все оказалось с точностью до наоборот. Он промотал все до последней копейки, оставив нас на милость собственных кредиторов.

– И оставив собственную дочь на милость похотливого старого козла, – еще больше нахмурил брови Джейми.

Эмма с расстроенным видом повернулась к нему, с удивлением почувствовав гневную дрожь в теле. Такого она себе давно не позволяла.

– У вас нет никакого права судить моего отца! Особенно теперь, когда вы сами просто горите желанием обменивать женщин на золото.

– Одно я знаю точно. Я никогда не позволю своей дочери расплачиваться с моими долгами в постели такого человека, как граф!

– Не важно, что вы там думаете, но моего отца нельзя назвать плохим человеком, он просто слабый, – заявила Эмма, повторяя слова, которые тысячу раз слышала от матери еще будучи ребенком. – Его нельзя ни в чем винить. Это моя неосмотрительность разрушила благосостояние семьи и погубила ее доброе имя.

– Неосмотрительность? Значит вот как это называет англичанка, когда мужчина подмигивает ей через переполненный бальный зал? Или когда он осмеливается коснуться ее руки в перчатке, помогая ей сесть в экипаж? Всем известно, что по жилам англичан бежит чуть теплый чай, а не горячая, страстная кровь. Могу поспорить, что этот твой сладкоречивый молодой поклонник даже не осмелился увлечь тебя в залитый лунным светом сад, чтобы сорвать поцелуй! – Взгляд Джейми упал на губы Эммы и задержался там. У нее возникло ощущение, что они загорелись от этого взгляда.

– Уж будьте уверены, он сорвал поцелуй! – сообщила Эмма, удерживаясь от желания немного охладить горящие губы, облизнув их кончиком языка. – Только не в саду, а в алькове городского дома леди Эриксон. Когда никто не видел, он в возмутительно дерзкой манере прижался губами к моему запястью.

– Несомненно, навсегда погубив твою репутацию для любого другого мужчины, – с насмешливыми нотками в голосе, которые усиливали его шотландское произношение, парировал Джейми.

– Это только я все разрушила, – непримиримо заявила Эмма. – Только я погубила нашу семью.

– И теперь ты решила искупить свою вину тем, что отказалась выйти замуж за человека, которого не любила, выйдя замуж за того, кого вскоре станешь презирать. Да ты просто ребенок! – В зеленых глазах Джейми вспыхнул гнев. – Наивная семнадцатилетняя девочка, принявшая за любовь мужскую страсть и дорого за это заплатившая.

– Это была ошибка, которую я не намерена больше повторять, – спокойно сказала Эмма, подавив эмоции, как делала с недавних пор.

Как будто этими словами она бросила ему вызов, потому что Джейми придвинулся к ней опасно близко. Он возвышался над ней в лунном свете, но угроза исходила не от его роста или необыкновенной силы. Опасной оказалась дразнящая нежность его ласки, когда он протянул руку и убрал ей за ухо выбившийся завиток волос, коснувшись при этом подушечкой большого пальца шелковой кожи щеки.

– Как только ты выйдешь замуж за графа, тебе не придется беспокоиться об этом. У тебя не будет ни любви, ни страсти.

Невозможно было отрицать правду, прозвучавшую в его словах. Стоит ей стать женой графа, как она больше никогда не почувствует учащенного сердцебиения при появлении мужчины в комнате. Никогда не почувствует, как румянец заливает ее щеки при простом упоминании его имени. Никогда не ощутит болезненного страстного томления, терзающего ее лоно в предвкушении его прикосновений.

Такого томления, какое она ощущала прямо сейчас, глядя в затаенный холод глаз Джейми Синклера.

Не успела Эмма понять, что у нее в ушах отдается стук собственного сердца, как губы Джейми прижались к ее губам и стали ласкать их с обольстительной нежностью. Возможно, он выглядел и вел себя как шотландский дикарь, но целовался он, как принц. Его губы мягко порхали по губам Эммы, точно зная, как к ним прижаться, чтобы заставить их раскрыться ему навстречу, потерять бдительность и дать его языку возможность проскользнуть внутрь.

Раньше Эмма содрогалась от мысли, что в первом настоящем поцелуе к ее губам прижмутся сухие, потрескавшиеся губы графа. Но сейчас, когда она позволила языку этого незнакомца глубоко проникнуть в свой рот, ее сотрясала совсем иная дрожь. Ей бы и в голову никогда не пришло позволять такие вольности Лисандру, даже несмотря на то что еще совсем недавно, просыпаясь, она только и делала, что думала о нем и о своем будущем с ним. И это будущее было наполнено невинными поцелуями и долгими прогулками по залитым солнцем лугам, во время которых они будут обсуждать полюбившиеся им обоим книги.

Этот поцелуй невинным не назовешь. Когда коварный язык Джейми проник внутрь ее рта, руки Эммы еще раз уперлись в рельефные планки мышц его гладкой твердой груди, а дрожащие пальцы коснулись плоских сосков. По-видимому, убежала она недостаточно далеко и недостаточно быстро. Тени, которые, как ей казалось, все это время гнались за ней, в конце концов настигли ее. Когда ее окутала их соблазнительная темнота, желание бежать пропало. Эмма не устояла перед восхитительной истомой, разлившейся по всему телу, от которой делать что-то другое, кроме как мягко окунуться в объятия этого человека, стало невозможно.

Ей казалось, что она опять оказалась на том узком выступе скалы и вот-вот упадет, и от этого падения переломает не только кости, но и разобьет сердце.

Возможно, она нашла бы в себе силы уцепиться за жалкие остатки чувства собственного достоинства, если бы Джейми первым не оторвался от ее губ. Или если бы ей не пришлось бороться с ужасным желанием притянуть его к себе опять, чтобы еще раз насладиться его восхитительным поцелуем.

Он смотрел на нее с высоты собственного роста, и его пушистые черные ресницы почти так же, как и ее собственные, скрывали глаза. Если он хотел показать ей, чего она лишится, если выйдет замуж за графа, то у него это здорово получилось. А если этот поцелуй – своеобразный способ наказать ее за непослушание, тогда она его недооценила. Дьявольского и опасного в нем было намного больше, чем она предполагала.

С губ Эммы слетел прерывистый вздох. Она заставила себя выдержать его взгляд, остро осознавая, что ее руки по-прежнему касаются его груди.

– Это мое наказание за побег? – прошептала она.

– Нет. – Жесткая линия подбородка придавала ему еще более суровый вид. – Это – мое наказание за глупость, которую я совершил, отправившись за тобой.

Эмма попыталась понять смысл сказанных им слов, но он уже схватил ее за запястье и потащил подальше от обрыва.

– Вы что, забыли свои цепи или веревку? – поинтересовалась Эмма, чувствуя, что на смену замешательству пришло чувство гнева. – Уверена, что в свое время вы наворовали домашнего скота. Странно, что вы не пытаетесь поставить на меня клеймо Синклера, как на какую-нибудь телку или овцу, слишком далеко отбившуюся от пастбища.

– Не искушай меня, – прорычал Джейми.

– Вы хоть на секунду задумались о тех страданиях, которые причиняете моей семье? Мать с сестрами уже, наверно, извелись все от тревоги за меня! А отец? Что, если случившееся толкнет его прямо к бутылке?

– Твоя любящая семья не возражала, чтобы продать тебя графу. Мне кажется, они не станут возражать, если я позаимствую тебя на несколько дней.

– Если вы меня не отпустите, – Эмма чувствовала, как нарастает разочарование и раздражительность, – я просто опять убегу. Я не позволю какой-то глупой наследственной вражде шотландского горца разрушить свою семью!

Джейми остановился так резко, что она едва не влетела в его спину, и со свирепым выражением лица повернулся к Эмме. На короткое мгновение ей показалось, что он собирается снова поцеловать ее или сделать что-нибудь похуже. Но он всего лишь наклонился к ней так близко, что едва не коснулся своим носом ее носа.

– Ты ничего не знаешь о горцах и их вражде, девочка. Можешь считать, что сбежать – это твой долг перед семьей, но остановить тебя я считаю своим долгом перед кланом. Долго и хорошо подумай, перед тем как опять бежать в неизвестность. – Джейми посмотрел на нее с наглой фамильярностью, и этот взгляд заставил Эмму снова вздрогнуть. – Потому что если ты опять попытаешься сбежать, я просто могу решить, что твоя невинность представляет большую ценность для меня, чем для графа.

По-прежнему удерживая Эмму за запястье, Джейми возобновил свой решительный шаг, и у нее не осталось другого выбора, кроме как, спотыкаясь, успевать за ним. Иначе он просто волоком потащит ее за собой. Свои намерения он изложил довольно четко. Линия фронта прочерчена. Если Эмма решит ее нарушить, она сделает это только на свой страх и риск.

* * *

Джейми решительно шагнул вперед, пытаясь не замечать мучивших его угрызений совести. Эмма не оставила ему ни малейшего выбора, пришлось угрожать самым ужасным способом. Это просто чудо, что он смог вытащить ее с этого выступа раньше, чем тот обрушился в пропасть. Если она предпримет новую попытку бегства, он может не успеть прийти на помощь и спасти ее от неуклюжего падения в ущелье или от нападения голодной рыси. Джейми похолодел от ужаса, представив, какая картина могла его ждать, если бы он добрался до скалы на несколько минут позже.

Он нетерпеливо потянул Эмму за руку. Если она не ускорит шаг, вскоре ему придется тащить ее в гору на себе, и тогда рухнут все его надежды вернуться в лагерь и урвать до рассвета несколько часов драгоценного сна.

Когда Эмма наткнулась на его спину и едва не сбила их обоих с ног, Джейми с раздражением, грозившим перерасти в ярость, обернулся:

- Черт возьми, женщина, если ты не ускоришь свой шаг...

Но одного только взгляда на Эмму Джейми оказалось достаточно, чтобы понять, что она не специально замедляет их движение. Прикрыв глаза, она шаталась от бессилия. Джейми вдруг увидел, что у нее подгибаются колени.

Проклиная собственную тупоголовость, он бросился к ней и успел подхватить, как ребенка, на руки, не дав упасть. В ответ раздались невнятные возражения, и Джейми понял, что она на самом деле выбилась из сил, а вовсе не пытается разозлить его. Глаза Эммы были закрыты, на бледных щеках еще ярче проступили веснушки. Было понятно, что дальше двигаться она не сможет, ни на своих ногах, ни у него на руках. Другого выбора нет, надо устраиваться на ночлег.

С величайшей осторожностью он опустил Эмму на землю и прислонил к поваленному дереву, а сам принялся собирать дрова, чтобы разжечь костер. На этих низких склонах горы не было никакого укрытия, кроме густых зарослей осин и вечнозеленых деревьев. Здесь не было даже заброшенного сарая или хижины скотовода. Джейми воспользовался стальным трупом, который всегда носил с собой, чтобы поджечь ворох валежника, и повернулся к Эмме. Она по-прежнему сидела с закрытыми глазами, привалившись к поваленному дереву, замерзшая, несчастная и выбившаяся из сил. Красивое платье превратилось в лохмотья и напоминало паутину; подошвы туфель местами протерлись до дыр, и стройные ноги были истерты в кровь и покрыты синяками и ссадинами.

Вряд ли какая-то женщина заслуживает такой день бракосочетания или такую брачную ночь. Она была совершенно неподвижна. И это тревожило Джейми намного больше, чем если бы она безудержно дрожала всем телом. На губах появился легкий оттенок синевы. Это были те самые губы, которые еще совсем недавно горели и трепетали от его поцелуя, приглашая исследовать влажные глубины ее рта.

Тело Джейми пронзила волна предательского желания, и он провел рукой по волосам, ненавидя себя за собственную беспомощность. Он привык присматривать за своими людьми, но то была выносливая команда, закаленная, как стадо горных баранов. Они не столько нуждались в защите или уходе, сколько в том, чтобы объединиться вместе.

Он отправился в погоню за ней, не прихватив ни куртки, ни накидки. Чтобы согреть ее, в его распоряжении был только костер и тепло собственного тела. Но после той глупости, которую он совершил, поцеловал Эмму, ему меньше всего хотелось – или нужно было – ночевать вместе с невестой Хепберна.

Глава 8

Эмма очнулась от сна, ощущая себя так, словно она окутана очаровательным коконом тепла. Она привыкла просыпаться и чувствовать прижавшиеся к ее ногам холодные ноги Эрнестины или уткнувшийся ей в ребра маленький локоток Эдвина. Сейчас ей казалось, что в снежный зимний день она лежит рядом с

камином, укутанная в свое любимое стеганое одеяло.

Если это был сон, то у нее не было желания просыпаться. Эмма зевнула и поерзала на месте, еще ближе прижимаясь к источнику этого соблазнительного тепла.

В опасной близости с собственным ухом она услышала обиженное ворчание. Что-то твердое и невероятно настойчивое прижалось к ее мягкому месту, вытолкнув Эмму из ее дремотного состояния.

Она распахнула глаза. Сердце неуверенно стучало в груди. Оказалось, что у нее под головой не подушка, а мужская рука, мускулистая и немного загоревшая на солнце. Стараясь не двигаться и не дышать, Эмма медленно перевела взгляд вниз. Вторая рука на правах собственника обнимала ее за талию.

Ее сон мгновенно превратился в ночной кошмар, и Эмма вскочила и набрала в легкие воздуха, чтобы завизжать. Чья-то рука закрыла ей рот раньше, чем она успела крикнуть, а рука, обнимавшая за талию, вернула Эмму назад.

Он, наверно, давно проснулся и просто ждал этого мгновения.

По телу Эммы пробежала беспомощная дрожь, когда в ее ухо, словно капля теплого виски, полился хриплый шепот Джейми Синклера:

– Тихо, девочка, я не собираюсь причинять тебе боль.

Эмма лежала неподвижно, как доска.

– Или насиловать, – добавил Джейми невероятно низким голосом.

Эмма зажмурилась, чувствуя, как загорелись щеки. Ни от одного мужчины она не слышала такого отвратительного слова. Там, откуда она приехала, женщин не насилуют. Их компрометируют. Или губят их репутацию. Иногда они бывают настолько глупы, что позволяют джентльменам слишком много вольностей или довольно беспечны и сворачивают не на ту тропинку тенистой аллеи. Какая бы жестокая судьба не выпадала на их долю, так или иначе всегда подразумевается, что они сами приложили руку к собственной несчастливой

судьбе.

Эмма, не шелохнувшись, лежала в его объятиях, и Джейми осознал, что данное им обещание не заслуживает доверия, поскольку напряженная плоть по-прежнему упирается ей в ягодицы.

– Я понимаю, тебе мало что известно о мужчинах и их физиологии, но по утрам они часто просыпаются в таком состоянии. – Тревожное дыхание Джейми шевелило крошечные волоски за ухом Эммы. – Это никак не связано с тобой.

Но даже он не был до конца убежден в этом. Странно, но именно напряженная нотка в его голосе позволила Эмме поверить ему. Она понемногу расслабилась, окутанная теплом его тела, и Джейми убрал руку, зажимавшую ее рот.

Он был прав. Эмма росла с матерью, тремя сестрами и отцом, которого в последние несколько лет чаще всего не было дома. Ей мало что было известно о мужчинах и особенностях их организма, а то, что она действительно знала, все больше ставило ее в тупик.

Повисла неловкая тишина.

– Это больно? – наконец прошептала Эмма, когда любопытство все-таки поборол страх.

– Сейчас, мне кажется, я бы предпочел пулю в лоб, – немного подумав, тихо ответил Джейми.

– Если вы отдадите мне свой пистолет, это можно исполнить.

Эмма была готова поклясться, что услышала тихий смешок. Она осторожно пошевелилась, чтобы заглянуть в его лицо, и в этот момент его рука соскользнула с ее талии и остановилась на бедре, словно ей и полагалось там быть. В пасмурном утреннем свете Эмма пристально смотрела в лицо Джейми. За ночь на подбородке появилась щетина, придававшая ему суровый пиратский вид.

Он действительно был невероятно красивым мужчиной. Для обычного бандита. Пытаясь пресечь непредсказуемый ход мыслей, Эмма поймала себя на том, что ей интересно, как это каждое утро просыпаться в объятиях такого мужчины.

И спать в его объятиях каждую ночь.

– Вчера ты едва не замерзла и падала от усталости, – сказал Джейми, возвращая Эмму в реальный мир холодного туманного рассвета. – У меня не было другого выбора, кроме как разжечь костер и остановиться на ночлег.

– Какое внимание с вашей стороны, – холодно откликнулась Эмма, и ее тон намекал на прямо противоположное. – Полагаю, у вас так же не было другого выбора, кроме как обнять меня.

– Мне показалось, – у Джейми потемнели глаза, – что ночью я ясно дал понять: тебе нечего меня бояться, если только ты не попытаешься снова сбежать.

Если это правда, тогда почему его прикосновение оставило у Эммы такое чувство, что ей есть чего бояться и есть что терять?

– Вы обещали, что не причините мне вреда, если граф отдаст вам то, что вы хотите. Но если он откажется? – вопреки здравому смыслу торопливо спросила Эмма.

Джейми промолчал, и только покрытый щетиной подбородок напрягся еще больше да в глазах промелькнуло что-то, похожее на сожаление.

К тому времени, когда они добрались до лагеря, люди Джейми только-только стали скатываться со своих походных постелей и бесцельно слоняться по поляне. Одни почесывали животы, другие скребли головы, кто-то отправился под деревья справить нужду. Эмма в нерешительности остановилась на краю поляны, наблюдая за взъерошенными и неуклюжими после сна людьми с изумлением и ужасом одновременно. Ей хотелось захихикать и в то же время прикрыть глаза рукой. Ее отец, даже в самом ужасном состоянии, всегда появлялся к завтраку тщательно причесанным, и ни одна волосинка не выбивалась из прически. Его кошелек мог быть пуст, а глаза воспалены от

чрезмерного употребления джина накануне, но жилет всегда был отглажен, и аккуратно повязан шейный платок.

Учитывая то количество виски, которое, как догадывалась Эмма, эти люди влили в себя вчера вечером, ее удивило, что они смогли пошевелиться раньше полудня.

Неуклюжий парень с неопрятной копной волос цвета шафрана, зевая, с любопытством посмотрел в их сторону. Эмма уцепилась за локоть Джейми, охваченная внезапным чувством стыда.

– Как же моя репутация? Если ваши люди видят, что мы вместе возвращаемся из леса, разве они не подумают о самом плохом?

– Могут, – с задумчивым видом признался Джейми. – Но только если я им позволю.

– Не понимаю. Как мы их остановим?

– Разве существует лучший способ защитить твою репутацию, чем дать тебе шанс самой защитить ее? – пожал плечами Джейми.

– Защитить от чего?

– Вот от этого, – лениво ухмыльнулся Джейми, обнажая белоснежные зубы. Эмма почувствовала, как бешено застучал ее пульс. Не успела она принять во внимание его предостережение, как Джейми обхватил рукой ее талию и, опрокинув ее назад на вторую руку, страстно и требовательно, так, что у нее перехватило дыхание, прижался к губам Эммы.

Даже несмотря на затуманившееся сознание и страстное желание, следовало отдать ему должное. Это был именно тот поцелуй, который бандит может сорвать у похищенной леди. Поцелуй пирата перед тем, как девицу отправляют идти по доске[4 - Пираты заставляли пленников идти с завязанными глазами по доске, положенной на борт судна, до тех пор пока они не падали в море.]. Поцелуй, который лорд Повелитель преисподней мог подарить Персефоне, прежде чем увлечь ее к себе в царство мертвых.

Когда Джейми оторвался от ее губ и дал ей возможность вздохнуть, Эмма едва не забыла о присутствии других мужчин на поляне. И свое собственное имя.

– Ударь меня, – выдохнул Джейми.

– Что?

– Ударь меня, – повторил он. – И сделай это убедительно.

Джейми выпрямился, на его губах играла самодовольная улыбка, а Эмме не хотелось ничего другого, кроме как схватить его за уши и снова притянуть к своим губам.

Но вместо этого она замахнулась и ударила его кулаком в челюсть с такой силой, что Джейми покачнулся.

Эмма ждала, что он нарушит свое обещание не причинять ей вреда и одним ударом крепкого кулака лишит ее сознания. Но он только удивленно поднял брови и с озадаченным видом осторожно потер подбородок.

– Не знаю, почему ты решил, что я захочу целоваться с таким негодяем, как ты! – пронзительно закричала Эмма, чтобы все на поляне услышали ее слова. – Готова поспорить, что вы, шотландцы, с большим уважением относитесь к овцам, чем к своим женщинам! – Развернувшись немного, чтобы мощные плечи Джейми закрывали ее лицо от других мужчин, она сладко улыбнулась ему и вполголоса добавила: – Это... было достаточно убедительно?

– Простой пощечины было бы вполне достаточно, – пробормотал Джейми, и шутливый блеск в его глазах медленно перерос в восхищение. Он с грозным видом наклонился к ней. – Имей в виду, что нашим овцам не требуются поцелуи, когда мы за ними ухаживаем. Простого поглаживания по задку обычно бывает достаточно, – низким голосом заметил Джейми.

Послышался сдавленный смех. Люди Джейми перестали притворяться, что они заняты обычными утренними делами, и теперь, тараща глаза и открыв рты, стояли и самым бессовестным образом подслушивали их с Джейми перепалку.

Эмма уперла руки в бедра, начиная входить в роль. В лучшие времена они с сестрами каждый год на Рождество устраивали для родителей рождественские представления и играли театральные постановки. В одиннадцать часов Эмма очень убедительно изображала Катарину из «Укрощения строптивой», а Эрнестина – шепелявого Петруччо.

– Возможно, вашим овцам ваши грубые попытки поухаживать кажутся неотразимыми, сэ, но я буду вам благодарна, если свои грязные руки вы будете держать от меня подальше!

– Тебя это может удивить, – покосился в ее сторону Джейми, – но обычно от леди не поступает жалоб насчет того, куда я кладу свои грязные руки.

– Леди? Ха! Трактирщиц и простушек вряд ли можно отнести к леди, особенно когда за их согласие вам приходится расплачиваться крадеными монетами. Настоящая леди никогда не станет поощрять ухаживания такого жестокого, похищающего невест дикаря, как вы!

Джейми протянул руку и убрал с ее щеки упавший завиток, с шутливой лаской дотронувшись до щеки пальцами.

– Можешь протестовать как угодно, девочка, но я лишь пытался дать тебе попробовать то, чего хочет каждая женщина, независимо от того, леди она или нет. Что-то такое, что твой высохший старикашка никогда не сможет тебе дать.

В его словах была правда, и Эмме пришлось изображать возмущение, скрывая свой удрученный вид, пока она смотрела, как он с важным видом уходит от нее, покачивая узкими бедрами. Люди Джейми сразу отвели глаза и быстро занялись своими делами. Эмма прижала к губам дрожащие пальцы, задумавшись, не рисковали ли они чем-то более уязвимым, защищая ее репутацию.

Глава 9

К глубочайшему облегчению Эммы, Джейми поручил долговязому парню с копной рыжих волос присматривать за ней, пока она умывалась на берегу

протекавшего рядом ручья. Испытав глубокое потрясение после того, что задумывалось как притворный поцелуй, она сомневалась, что найдет в себе мужество раздеться, если Джейми будет где-то рядом.

За ночь на небе рассеялись последние облака, и оно окрасилось в поразительный лазурный оттенок. И хотя воздух по-прежнему был прохладным, яркие лучи солнца пробивались сквозь ветки тонких берез, освещали берега ручья, их тепло поднимало в воздух запах оживающей земли. Эмма не смогла удержаться и вдохнула свежесть полной грудью. Всем было понятно, что весна все же придет, даже в этот суровый холодный край.

Сделав самые необходимые дела, Эмма опустилась на колени у ручья и, набирая в пригоршни ледяную воду, стала плескать ею в лицо. Желая снять с себя изодранное тряпье, некогда бывшее свадебным платьем, она вскочила на ноги и посмотрела украдкой через плечо. Рыжеволосый мальчишка, положив на ближайший пень стопку одежды, отошел подальше и напряженно застыл, повернувшись к ней спиной, у кромки соснового леса.

– Подглядывать не будешь? – окликнула его Эмма.

– Нет-нет, миледи, – поспешно заверил ее мальчишка, нервно сглатывая, и этот звук был слышен даже сквозь шум ручья. – Джейми сказал, если увидит, что я подглядываю, отдубасит меня как следует. Так оно и будет, вот.

– А Джейми часто так угрожает тебе? – нахмурилась Эмма.

– Нет, только если я этого заслуживаю.

Эмма неуклюже нащупала на спине бесконечный ряд жемчужных пуговиц, на которые застегивался лиф платья. Было бы намного удобнее, если бы Джейми вместе с ней похитил и ее служанку.

После короткой и в большей степени бесполезной борьбы Эмма просунула пальцы между пуговицами и дернула. Дорогой шелк затрещал по швам, и пуговицы с треском полетели во все стороны. Эмма ощутила необыкновенное удовольствие, сменившееся резким уколом вины. Граф, наверно, заплатил за это платье целое состояние. Он настоял, чтобы у Эммы было роскошное приданое, приготовленное самой модной французской модисткой в Лондоне. Ее сестрам

тоже повезло, щедрый граф и им сделал подарки. Ко времени их поездки в Шотландское нагорье в старое поместье был доставлен сундук, доверху набитый новыми платьями, туфельками и шляпками. Дом звенел от радостных воплей, когда сестры танцевали перед запыленным большим зеркалом в подвижной раме в спальне матери и перебрасывались шляпками, пока каждая решала, какой стиль ей больше подойдет.

Эмма понимала, что ей должно быть стыдно вдвойне, что в своих мыслях, с тех пор как ее похитили, она так редко обращается к жениху. Она сомневалась, что его слабое сердце сможет вынести слишком много потрясений. Джейми Синклер своей полуправдой и безрассудной ненавистью может попытаться настроить ее против графа, но она всегда будет помнить, где осталась ее привязанность.

Эмма стащила с себя корсет, словно избавилась от клетки, и помассировала красные полосы, которые оставил на ее нежной коже жесткий китовый ус.

– Ты еще слишком молод, чтобы ездить с кучкой бандитов, – обратилась она к мальчишке, разглядывая кучу одежды на пне. Джейми передал для нее тунику с длинными рукавами и брюки, которые, разумеется, вполне сошли бы за панталоны, чтобы носить их под юбками. Если бы у нее были юбки.

– О, миледи, я уже совсем взрослый. Этим летом мне будет четырнадцать.

Столько же, сколько и Эдвине, которая все еще спит, подоткнув под щеку свою потрепанную любимую тряпичную куклу.

Улыбнувшись, Эмма надела тунику. Потертая оленья кожа прикрыла ее тело до середины бедра. Она коснулась кожи, как мягкий бархат, но при этом была достаточно прочной, чтобы защитить от резких порывов ветра.

– А как ты оказался в такой разношерстной команде? Синклер тебя тоже похитил?

– Ага, миледи. Он похитил меня у егеря Хепберна, как раз перед тем, как этот господин мог опустить свой топор и отрубить мне правую руку.

Эмма резко повернулась, прижимая брюки к груди. Верный своим словам, мальчишка по-прежнему стоял словно по стойке смирно и смотрел в противоположную сторону, такой же отважный, как любой солдат, подчиняющийся приказу своего командира.

Должно быть, он услышал ее вздох, потому что продолжил свой рассказ совершенно обычным, даже извиняющимся, тоном:

– Видите ли, меня поймали за охотой на кроликов на землях графа. Зима была длинной, а мать с отцом умерли от скарлатины. У меня было пусто в желудке, но все равно я виноват. Всем известно, какое наказание ждет за воровство, а мне тогда было почти девять лет. Я был уже довольно взрослым, чтобы понимать, что делаю.

Эмму охватил ужас, и она зажала рот рукой. Какой же монстр прикажет слуге отрубить руку голодного ребенка, потому что тот поймал кролика? Понятно, что воспитанный человек не допустит такого зверства. Может быть, граф в это время зимовал в своем городском доме в Лондоне и егеря просто решил сам свершить такое суровое и ужасное правосудие без ведома графа?

– Что стало с этим егерем? – спросила Эмма, мгновенно пожалев об этом. Она не видела лица мальчишки, но слышала улыбку в его голосе.

– Графу пришлось нанять нового.

Эмма медленно отвернулась, уцепившись пальцами в податливую ткань брюк. Ей хотелось почувствовать отвращение и презрение к Джейми Синклеру, но вместо этого она ясно представила себе сверкающий на солнце поднятый топор и худое грязное лицо маленького мальчика, побледневшее от страха.

Стараясь справиться с волнением, которое вызвал в ней рассказ мальчишки, Эмма проскользнула в брюки. Внизу она их подвернула, чтобы не болтались по земле, и теперь они были ей почти впору. Наверно, этот наряд Джейми позаимствовал у кого-то из своих людей. В его собственной одежде Эмма просто утонула бы.

Эмма украдкой осмотрела себя со стороны, изумляясь, как туника из кожи облегает изгибы ее тела. Она улыбнулась, когда представила, как мать, увидев

ее в таком наряде, падает в обморок. В Ланкашире быстро промелькнувшей перед глазами женской лодыжки было достаточно, чтобы разгорелся скандал, который мог распространяться на многие поколения. Вот почему Долли Стротерс и Мэриузер Диллингем вынуждены были пожениться, после того как Долли споткнулась, выходя из кареты, и нечаянно продемонстрировала молодому краснеющему викарию подвязку над коленом!

Мать Эммы предпочла не обращать внимания на тот факт, что Эмма много раз холодным зимним утром потихоньку выскользнула из дома, одетая в охотничье пальто отца и его огромные брюки. Когда неделю в доме не было мяса, а потом к ужину на столе появлялась зажаренная куропатка или кролик, мать просто склоняла голову и благодарила Бога за его великодушную заботу, не замечая того, что ее старшая дочь встала задолго до рассвета, чтобы помочь Господу в его делах.

Эмма здорово обрадовалась, когда обнаружила пару крепких кожаных ботинок, на которые она могла сменить свои легкие туфельки из кожи козленка. Они были бы ей размера на три больше, если бы не пара толстых шерстяных носков, которые Эмма обнаружила рядом с ботинками.

Она уже была готова сказать мальчишке, что он может повернуться, ничем не рискуя, как вдруг увидела на пне еще кое-что, чем Джейми предлагал ей воспользоваться.

Это была узкая полоска дубленой кожи, которая прекрасно подходила для того, чтобы связать волосы сзади, и ветер не будет их трепать. Озадаченная такой любезностью, Эмма попыталась пальцами разобрать спутанные волосы, а потом собрала их в толстый кудрявый хвост на затылке. Конечно, это была не атласная ленточка, выдернутая из витрины какого-нибудь мануфактурного магазина на Бонд-стрит, но сейчас для Эммы не было подарка более практичного или более милого.

Она чувствовала себя легко и свободно без дюжины шпилек. И ужасно беззаботно. Почти так же беззаботно и беспечно, как когда-то чувствовала себя, будучи маленькой девочкой, когда они с сестрами с рассвета и до самых сумерек бегали по саду их деревенского дома, как четверо крепких щенков.

Но когда Эмма обернулась, ее ждал молодой охранник. И это напомнило ей, что она вовсе не свободна. Она в плену у опасного человека, который готов прибегнуть к воровству, похищению людей и даже убийству, чтобы получить то, что он хочет.

Синклеры всегда славились тремя вещами: сообразительностью, быстрыми кулаками и вспыльчивостью. Надо сказать, что у их вспыльчивости очень медленно горел фитиль. Он мог тлеть днями или даже десятилетиями, прежде чем взорваться гневом, который мог разрушить стены замка и сровнять с землей целые леса. Они могли и виду не подать, если вы перешли им дорогу, но при этом отлично способны выждать время, пока не представится возможность тихо разрубить вас на куски и захоронить в пятнадцати разных могилах.

Джейми бродил рядом с лошадьми, выжидая, когда вернется Грэм с Эммой. В собственных ушах он уже слышал шипение такого фитиля, очень слабое, но такое же неотвратимое, как вздохи ветра в соснах. Именно поэтому, когда прошло почти полчаса, его люди перестали бросать на него нервные взгляды и сосредоточенно чистили эфесы мечей, которые и так сверкали, и проверяли подпругу, подтянутую уже раз пять, если не больше.

Джейми чувствовал, что они все еще заинтригованы их с Эммой спектаклем. У него не было привычки навязывать силой свое внимание или поцелуи женщине, не важно, шотландке или англичанке. Джейми довольно долго смотрел в сторону ручья, потом перевел взгляд на кузена, и Бон помахал ему рукой и послал шутливый поцелуй.

Вместо того чтобы задушить Бона собственными руками, Джейми пошел проверить уздечку на своей лошади. Они и так потратили здесь много времени. Надо подниматься выше в гору, просто на тот случай, если он вдруг ошибся в расчетах и Хепберн решил послать своих людей по их следу раньше, чем поступит требование выкупа.

Джейми уже начал бояться, что Эмма ударила Грэма камнем по голове и теперь несется вниз по горному склону, как она вдруг появилась на краю поляны в сопровождении мальчишки, который держался на почтительном расстоянии.

Поводья выскользнули из оцепеневших пальцев Джейми. Когда он впервые увидел невесту Хепберна, стоявшую перед алтарем в церкви, она была так же бледна и бездыханна, как ягненок, которого привели на бойню. Он подумал тогда, что это от страха перед ним она побледнела и выглядела так, словно на ней погребальный саван, а не свадебный наряд.

Но если так, тогда на поляну она вернулась в образе самой смелой женщины. Свежий ветер разгладил щеки и зажег блеск в ее темно-синих глазах. В солнечных лучах светилась бледная кожа с рыжей россыпью веснушек. Даже стройные ноги, обутые в грубые кожаные ботинки, шли решительным пружинящим шагом.

Боковым зрением Джейми заметил, как у Бона открылся рот. Кузен и представления не имел, что Джейми вытащил одежду из его седельной сумки, пока он сам справлял нужду в лесу. Даже Бон вынужден был признать, что Эмма в этой одежде выглядит намного лучше, чем он сам. Она отлично облегла ее гибкое тело, делая ее похожей на лесной дух, который только что появился из пустого дерева после тихого столетнего сна.

По мере приближения Эммы взгляд Джейми устремился к нежным лепесткам розовых губ. Эти губы дважды пылко отвечали на его поцелуи. Всякий раз, когда она смотрела на него, в ее глазах светилась дразнящая смесь невинности и страсти. От этих воспоминаний в теле Джейми все еще возникали болезненные ощущения. Прошло уже очень много времени с тех пор, как он целовал женщину, не ожидая, или не получая, ничего другого.

Когда Эмма подошла совсем близко, на его лице застыла маска безразличия.

– Хочу поблагодарить вас за тесемку, сэр. Ветер растрепал волосы и привел их в ужасный беспорядок.

– Эта тесемка не подарок, миледи, – с насмешкой в голосе заявил Джейми. – Просто я подумал, если кто-то заметит нас на дороге, то по ошибке может принять тебя за парня.

– На какой дороге? – язвительно спросила Эмма, покосившись на девственную природу, окружавшую их, и всем своим видом давая понять, что Джейми сошел с ума.

Не обращая внимания на ее вопрос, Джейми подобрал поводья, сел на лошадь и протянул Эмме руку.

Она осторожно отступила на шаг, явно испугавшись, что он опять перекинет ее через спину лошади лицом вниз.

- Если ты подашь мне руку, то сможешь сесть у меня за спиной.

С нерешительным видом Эмма тихонько подошла ближе. Лошадь, чувствуя ее нервозность, заржала и сделала несколько шагов в сторону, заставив Эмму снова отступить.

Джейми многострадально выдохнул. Винить ее за недоверие к ним двоим он не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Старейший университет Шотландии.

2

1 стоун – 6, 350 кг.

3

Английские солдаты.

4

Пираты заставляли пленников идти с завязанными глазами по доске, положенной на борт судна, до тех пор пока они не падали в море.

Купить: https://tellnovel.com/ru/medeyros_tereza/soblaznennaya-d-yavolom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)